Goanini

ОЧЕРКЪ
СТАРОСЛАВЯНСКОГО
БАСНОСЛОВІЯ
или
МИѲОЛОГІИ,
составленъ Я. Ѳ. Г–мъ.

Цѣна 35 кр. н. — Доходъ призначенъ на цѣли литературныи

ЛЬВОВЪ.
Типомъ Ставропигійского Института.
1860.

ОЧЕРКЪ

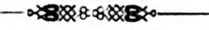
СТАРОСЛАВЯНСКОГО

БАСНОСЛОВІЯ

или

МИѲОЛОГІИ,

составленъ Я. Ѳ. Г-мъ.



ЛЬВОВЪ.
Типомъ Ставропигійского Института.
1860.

А) О ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНСКИХЪ ИДОЛАХЪ И БОЖИЩАХЪ.

Сровнивая розличныи свидѣтельства и преданія о языческомъ богослуженіи у древнихъ Славянъ примѣчаемъ, що не смотря на мѣстныи особенности, головныи основанія баснословія и принадлежности языческого богослуженія были у всѣхъ Славянъ одни и тіиже. Сего ради баснословіе рускихъ Славянъ должно быти не иначе изъучаемо, якъ въ связи съ другими славянскими племенами, подобно якъ для изъясненія древнёго германского богослуженія миѳографы обоймаютъ всѣ племена нѣмецкого поколѣнія, не исключая и самыхъ сѣверныхъ Скандинавовъ и Исландцевъ.

Баснословіе славянское по немногимъ и скуднымъ извѣстіямъ, записанымъ писателями чужестранцами и отрывочнымъ преданіямъ о языческой обрядности, захованымъ въ народѣ, не могло сложитися въ систему, якъ миѳологія греческа и римская; однакже суть уже хорошіи матеріалы*) собраны учеными, по которымъ головныи догматы славянского баснословія о могуществѣ божества въ природѣ, о его вліяніи на человѣка и весь міръ, о душѣ человѣческой, ея безсмертіи и житіи послѣ смерти довольно ясно опредѣлити можно.

а) Понятіе о высшомъ Бозѣ.

По свидѣтельствамъ лѣтописей Прокопія Кесарійского (De bell. Goth. III. 14.), Гельмольда (Chron. Slav. I. 84.) и біографа Оттона (Act. Sanct.

*) Важнѣйшіи сочиненія того рода суть: Касторского Начерт. Слав. Миѳол. 1841. — Н. Костомарова Слав. Миѳологія Кіевъ 1847. —Срезневского Изслѣд. о языческ. богослуж. др. Слав. 1848. — Гануша Die Wissenschaft d. Slav. Mythus Wien 1842. — Сементовского Замѣч. о праздн.

Jul. 433) вѣрили древніи Славяне въ единого **бога**, называя его верховнымъ, небеснымъ богомъ, богомъ боговъ. Изъ Нестора также видно, що Славяне рускіи имѣли понятіе о высшомъ существѣ, нарицаемомъ преимущественно **богомъ** или **богомъ вседержителемъ**, и розличали его отъ бога **Перуна** и другихъ второстепенныхъ божествъ.**) Славяне честили въ немъ отца природы и господа міра, которого воля правитъ его судьбами, которого промыслъ удерживаетъ все; его почитали владыкою неба, источникомъ божественной силы и называли Великимъ богомъ, Старымъ богомъ или **Прабогомъ**.

Другіи боги были по вѣрованію Славянъ, яко отъ верховного бога происходящіи существа, его

у Малороссіянъ 1843. — **Снѣгирева** русск. простор. праздк. 1839. — **Сахарова** Сказанія русск. нар. 1841. — Впрочемъ сочиненія Шафарика, Коллара, Вука Стефановича, Мацѣевского, Голембіовского и пр.

**) Въ договорѣ Игоря кленутся Русины: „И елико ихъ есть не хрещено, да не имутъ помощи ни отъ Бога, ни отъ Перуна. . . Да будеть клятъ отъ Бога и отъ Перуна." Полн. Собр. Лѣт. I. 1846. стр. 20 и 23.

произведеніями, властьми отъ него зависячими, посредниками межи нимъ и міромъ, сильными его силою, и то не всѣ еднаково, но по сказанію Гельмольда, были они тѣмъ сильнѣйши, чѣмъ близши были родствомъ всемогущому богу боговъ.*)

б) Свѣтлопоклоненіе.

Ближайшое къ богу истеченіе есть свѣтло. Славяне вѣровали, що существо свѣтла явилося на земли и воплотилося въ родѣ человѣческомъ. О томъ пише Ипатіевская Лѣтопись слѣдующое: „Нѣкогда царствовалъ на землѣ Совар огъ (высочайше существо, отецъ свѣта), научилъ человѣка искусству ковати и брачнымъ связямъ; по-

*) О родствѣ боговъ (ѳеогоніи) читаемъ въ Вацерада Словарѣ, що Славяне считали Дѣвапну дочерью Перуна и Лѣтницы, Радегаста внукомъ Кърта, Страчца сыномъ Сытиврата (слав. Сатурна); въ словѣ о Полку Игоря представляется Стрибогъ дѣдомъ вѣтровъ, Велесъ дѣдомъ пѣвца Бояна, Дажьбогъ дѣдомъ Владиміра; въ Ипатіевской Лѣтописи названъ Дажьбогъ сыномъ Сварога.

томъ царствовалъ сынъ его Дажьбогъ, еже нарицается солнце." И такъ существенная часть язычества Славянского относится къ свѣтлопоклоненію; тое изъясняеся многими свѣдѣтельствами лѣтописей и народными преданіями, которыи показуютъ, що тоежь самое обожественное солнце или свѣтлоносная сила въ нравственномъ и физическомъ смыслѣ почиталась въ розличныи времена и по розличнымъ сторонамъ Славянщины пôдъ особенными наименованіями.

в) Сварожичъ-Радегастъ.

У Полабскихъ Славянъ стоялъ (по словамъ Дитмара) въ городѣ Редегастѣ храмъ съ деревяными изъображеніями божествъ, изъ которыхъ высшій былъ Сварожичь т. е. сынъ Сварога, почитаемый на Руси подъ именемъ Даждьбога, Хорса или Солнца.

По свидѣтельству Адама Бременского и Гельмольда былъ въ городѣ Ретрѣ въ храмѣ идолъ Радегаста, къ которому приходили для жер-

твоприношеній и гаданій. Самъ идолъ былъ золотый; а ложе у него пурпуровое. На головѣ у него сидѣлъ орелъ съ розпростертыми крылами, а на груди была чорная бычья голова, изъображенная на щитѣ, который держалъ Радегастъ правою рукою; а въ лѣвой имѣлъ онъ сокиру съ двома остріями.

г) Святовитъ-Даждьбогъ.

Такоежъ божище чтили Славяне на островѣ Руянѣ (Rügen) подъ именемъ Свантовита или Святовита. *) Саксо Грамматикъ подробно описуе оное. „На мѣловомъ утесѣ сѣверовосточного руянского мыса (говоритъ онъ), стоялъ укрѣпленный градъ или замокъ, Аркона. На площади градской стояло деревянное, изящно обдѣланное зданіе, въ которомъ находился идолъ Свято-

*) Святовитъ происходитъ отъ слова святый и витъ; слово витъ означае достоинство природы человѣческой вообще; оттуда витязь, витяжество, витія или вѣтія, вѣщати, вѣщій срав. нѣм. Witz. witzig.

вита. Храмъ розделенъ былъ на двѣ части; посреди зданія находилося отдѣленіе на четырехъ столбахъ; вмѣсто стѣнъ служили ему висячіи покровы, потолокъ блисталъ красною краскою. Тутъ-то стоялъ огромный истуканъ Святовита съ четырьма головами, съ четырьма шеями, съ двохъ сторонъ представлялись двѣ спины и двѣ груди; борода у него была старанно прибрана, волосы острижены. Въ одной руцѣ держалъ идолъ рогъ съ виномъ, который жрецъ наполнялъ ежегодно въ назначеный день виномъ, и по тому угадывалъ благоденствіе будущого года. Лѣвую руку онъ держалъ согнувши на подобіе лука. Идолъ имѣлъ одежу до колѣнъ. Ноги его стояли на голой землѣ, а подошвы входили въ землю. Подлѣ идола находились его принадлежности: сѣдло, узда и огромный мечъ, которого ножны и рукоятка блистали серебромъ и прекрасною роботою. Святовиту отправляли богослуженіе въ опредѣленныи дни и гадали о будущемъ. Онъ былъ богъ плодовъ земныхъ и богъ войны. Каждый муж-

чина и каждая женщина объязаны были пожертвовати ему монету; ему принадлежала третья часть военной добычи; для охраненія его назначено было триста конныхъ воиновъ и триста пѣшихъ стрѣлцôвъ, сражавшихся во имя бога, яко его войско. Вся Славянщина имѣла уваженіе къ руянскому Святовиту, даже чужеземныи цари посылали туда свои подарки. Кромѣ дорогоцѣнныхъ сокровищь, при томъ храмѣ находился бѣлый конь, приналежавшій божеству; тôлько жрецъ могъ его кормити и сѣдати на него. Славяне думали, що на семъ конѣ ѣздитъ самъ Святовитъ и сражаеся съ своими непріятелями. Конь тотъ служилъ для прорицаній предъ начинаніемъ якого небудь предпріятія. При храмѣ хранились также священныи знамена и орлы употребляемыи на войнѣ" (Saxo Gramm. Hist. Dan. L. XIV. p. 288. X.). Гелмольдъ утверждае межи иными, що подъ Святовитомъ розумѣли Славяне солнце и приписывали солнцу первенство надъ другими божествами.

Святовиту покланялися также и Славяне въ Илліріи и въ Чехахъ. Чехи нехотѣли отстати отъ поклоненія Святовита до тѣхъ поръ, поки князь Вячеславъ не поставилъ церкви Святого Вита (S. Vitus) подобнозвучного съ названіемъ идола. Що обожаемый на Руси Даждьбогъ или Хорсъ совершенно сходствовалъ съ Святовитомъ западнихъ Славянъ, доказательствомъ служитъ недавно пониже селенія Личковецъ Тарнопольск. округа въ руслѣ рѣки Збруча открытый истуканъ его, перевезенъ графомъ Потоцкимъ до Кракова и принесенъ въ даръ тамошнему Университету. Сей истуканъ есть изваянъ на подобіе божка нѣкогда находящогося по свидѣтельству Гелмольда и Саксона Грамматика въ Арконѣ на Рюгенскомъ островѣ, вытесанъ изъ одного куска пѣсчаника, высотою на 4 Вѣд. локотъ, а шириною 15 цалей, и изображае идолъ съ четырьмя лицами надѣтыми однимъ капелюхомъ; по одной сторонѣ держитъ въ рукахъ рогъ, по другой щось подобное кольцу, на иныхъ двохъ сторо-

нахъ притыкаютъ руки его къ самымъ грудямъ; у пояса привѣшенъ мечъ, а пониже того видно изображеніе коня съ подпругою. На всѣхъ четырехъ сторонахъ у ногъ Святовита находится изображеніе женщины. У самого подножія замѣчаются изображенія мужчинъ. См. Вѣстникъ для Русиновъ Австрійской державы въ Вѣдни 1851, стр. 423. Въ ученой статьи, въ чч. 106—111 той часописи помѣщеной, совсѣмъ удовлетворительно изъяснилъ сочинитель оной Г.нъ А. Петрушевичъ, „что открытый словенскій истуканъ въ руслѣ рѣки Збруча, есть истуканомъ русскаго Хорса или Дажьбога, божества солнца, а не Святовита, покланяемаго только западными Славянами и совсѣмъ не извѣстнаго подъ тѣмъ именемъ, какъ бога солнца, восточнымъ русскимъ Славянамъ." (Вѣстн. 1851. стр. 439).

И такъ обожественное солнце или Даждьбогъ называемый Сварожичемъ, Радегастомъ или Святовитомъ былъ повсюду въ Славянщинѣ почитаный. Онъ былъ богъ нравственного свѣта, мудро-

сти, высочайшого всевѣдѣнія, общественного порядка и гражданственности; къ нему обращалися передъ начатіемъ всякого общественного дѣла и испрашивали предсказаній. Онъ былъ яко богъ солнца податель и виновникъ плодородія (Даждьбогъ); до него чинено моленія о изобиліи плодовъ земныхъ. Притомъ онъ былъ покровителемъ гостепріимства, промышленности и торговли (Радогость, ибо купцы называлися гости). Наконецъ былъ онъ воплотившимся символомъ свѣтла, боровшимся со злымъ существомъ. Конь Святовита и Радегаста указывае на воинственное его значеніе, яко существа свѣтла въ борбѣ съ мракомъ. — И такъ Святовитъ, солнце, ѣздилъ на своемъ бѣломъ якъ день кони воевати съ злыми духами во время ночи, царства противного начала, розрушаемого лучами свѣтила; мечъ и знамена означаютъ тую безпрерывную брань.

д) Яровитъ, Руевитъ, Поревитъ, Поренутъ.

Четыре миѳическіи существа Яровитъ, Руевитъ, Поревитъ и Поренутъ, упоминаемыи у Полабскихъ и Прибалтійскихъ Славянъ, не были, ничѣмъ инымъ, якъ тоже обожественнымъ началомъ солнца въ розличныхъ порахъ года появляющимися. Яровитъ отъ слова ярь т. е. весна, означалъ ярость, мужество, а оразъ и весну, молодость, свѣжесть и изображалъ солнечную силу, проявляемую весною, — Ругіевитъ или Руевитъ, отъ слова руйный, т. е. горячій, огненный, красный, знаменовалъ лѣтнее солнце. Онъ изображался вышиною бôльшій человѣческого роста, съ семи головами, семи мечами, а осьмый держалъ обнаженный въ руцѣ. Сêмъ головъ и сêмь мечей означали божество въ полной силѣ. Поревитъ, представляемый безъоружнымъ, изъображалъ зимнее солнце, потерявшее свою разящую силу. Онъ былъ въ противуположеніе

Яровиту и Руевиту, означавшихъ бога войны, богомъ мира. — Поренутъ былъ изображеный съ четырьма головами, а пятую держалъ на груди. Онъ выражалъ поворотъ солнца на лѣто или рождающее солнце. Четыре головы суть аттрибутомъ солнца (ср. Святовита), а пятая на груди изображала рожденіе нового солнца, для того, що Славяне (якъ и многіи другіи народы) вѣровали въ ежегодное рожденіе его.

e) Перунъ.

Есть великое правдоподобіе, що Перунъ, почитываемый у древнихъ Русиновъ, тое найголовнѣйшее божественное существо послѣ бога Вседержителя, означалъ также свѣтоносное начало. Названіе его означающее въ малорускомъ и другихъ славянскихъ языкахъ громъ (ср. греч. πῦρ огонь; зенд. пеирамунъ, свѣтлое, небесное жилище) и выраженія: перунъ убилъ, перуновая стрѣла и пр. указуютъ на тое, що онъ былъ обладателемъ грома и молніи, громовникомъ, но кромѣ

того, здаеся, онъ означалъ видоизмѣненіе свѣтла. Въ литовской миѳологіи онъ названъ Перкуносъ. Перунъ былъ (подобно Святовиту) богомъ войны и мира; Русины клали у подножія его оружіе и клялися при заключеніи договоровъ богомъ Перуномъ — Владиміръ В. поставилъ Перуну истуканъ въ Кіевѣ, а Добрыня (вуй и воевода его) въ Новгородѣ. Огонь былъ священною принадлежностію богослуженія Перунова. По словамъ Гвагнинія (Kron. W. księztwa Moskiew. pols. przekł. X. VII. 485.) горѣлъ въ Новгородѣ передъ идоломъ Перуна неугасимый огонь изъ дубового дерева. Тоже самое божество почитывалось у Поляковъ яко дарователь плодовъ земныхъ подъ именемъ Ессенъ или Ясенъ (Sarnicki p. 1028). Атрибутомъ его въ Шлезку была гора Соботъ (т. е. восходящее солнце). Въ пѣсни карпаторусской упоминаеся: Громъ-Собота, гора высока*) или Громова Собота, слѣдо-

*) Хрестом. Церковно-словен. и древно-руск. въ пользу учен. высш. Гимн. сост. Яковъ Головацкій, въ Вѣдни 1854. стр. 347.

вательно гора Соботъ есть гора Солнца или Грома-Перуна. Соботка (Собôдка) называвaеся обрядъ купального праздника, во время которого палять на горахъ костры изъ деревъ. *) Подобное Перуну божество почитано было Славянами въ Любецъ (Lübeck) подъ именемъ Проне или Прове, и у Адріатическихъ Славянъ подъ названіемъ Берона, що доказываютъ въ Аквилеи обрѣтаемыи надписи (Jovi Sancto Beroni tonanti, bono deo Beroni).

ж) Триглавъ.

Въ Щетинѣ (Stettin) былъ идолъ именемъ Триглавъ, которого жизнеописатель св. Оттона Бамбергского назвалъ величайшимъ божествомъ

---

*) Наша Густинская Лѣтопись пише о томъ слѣдующее: „Сему Купалу, бѣсу, еще и донынѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память совершаютъ, начеше Юнія 23. дня, въ навечеріе Рождества Іоанна Предтечи, даже до жатвы и далѣй, сицевымъ образомъ (въ Арх. списку прибавлено: соботки на якую память): съ вечера собираются простая чадь, обоего полу, и соплетаютъ себѣ вѣнцы изъ ядомого зелія, или ко-

Славянъ. Другій жизнеописатель тогожъ пише, що Триглавъ изображался съ тремя головами, которыи означали три царства: небо, землю и преисподнюю. Очи и уста его были завѣшены золотошитымъ покровомъ, щобы недопустити его видѣти и порицати людскихъ слабостей. Храмъ его былъ весьма нарядный. Тамъ хранилися золотыи и серебянныи сосуды, буйволовыи роги для питія и для трубъ, множество оружія и всякихъ запасовъ; Щетинцы бо отдавали туда десятую часть добычи военной. Въ честь Триглава отправлялися праздники со свя-

---

ренія, и препоясавшеся быліемъ возгнѣтаютъ огнь, индѣ же поставляютъ зеленую вѣтвь, и емшеся за руцѣ около обращаются окрестъ оного огня, поюще своя пѣсни, преплетающе Купаломъ; потомъ черезъ оный огонь прескакуютъ, оному бѣсу жертву себе приносяще." (Полн. Собр. Русск. лѣт. II. стр. 257.) На нашей Руси удержался обрядъ паленя огня называемый соботка еще только въ горахъ Саноцкого и Ясѣльского округовъ и на противоположномъ погорю Угоръ, где до сего времени на канунѣ рождества святаго Іоанна въ ночи собираются селяне особенно молодежь обоего пола, ставляютъ вѣху изъ смерекового дерева на высокой горѣ и закладаютъ изъ сушнику костеръ, под-

щенными играми, танцами и пирами. Триглаву покланялися и въ иныхъ мѣстахъ Славянщины, оттого до сей поры называется гора въ Краинѣ Терглоу (т. е. Триглавъ). (Die Wissenschaft d. slav. Myth. 100.) Славянскіи миѳографы видятъ въ немъ сходство съ индійскимъ Тримурти, такъ що онъ яко царь неба (воздушный) сходный съ Брамою, яко царь земли (земный)–съ Вишну, а яко царь преисподнеи (водный)-съ Шивою, существомъ разрушительнымъ. Въ Триглавѣ можно признати свѣтоносную троичную силу, ровнозначительную тремъ временамъ года: веснѣ, лѣту и зимѣ и отвѣтствующимъ тремъ

палють великій огонь и взявшися за руки опоясаны чернобылемъ плясають спѣваючи:

Горѣшняне, долѣшняне
Сходѣтеся на Собитку,
Спечеме си чорну китку, и проч.

Потому скачуть через огонь, и переганяютъ рогатый скотъ через него. Въ другихъ сторонахъ Галиціи не обходять того звычаю, только въ тоеже навечеріе обтыкае всякая господиня всю стрѣху своего дома и другихъ зданій лопухомъ (Lappa vulgaris) и чернобылемъ (Artemisia vulgaris), которымъ то послѣднимъ и опоясаются въ той день, щобы (акъ кажутъ) крижи не болѣли.

занятіямъ земледѣльцевъ: сѣянью, собираню и приготовленію плодовъ земли. Преданія народныи о Троянѣ по части также указуютъ на тройное, троеличное божище.

з) Бѣлбогъ.

Славяне признавали также доброе начало подъ именемъ Бѣлбога, противуположное злому, называемому Черноботомъ. (Script. rer. germ. p. 513). При праздникахъ и торжествахъ обносили они чашу съ благословеніями и заклятіями, вѣрючи, що счастіе произтекае отъ доброго бога (Бѣлбога), а злое отъ злого (Чернобога). Гельмольдъ говоритъ, що добрый богъ есть Свантовитъ, слѣдственно былъ бы Бѣлбогъ и Святовитъ одно и тоже божество. О почитаніи Бѣлбога и Чернобога свидѣтельствуютъ названія мѣстныи: Бѣлбоги, Чернобоги; и у насъ находится село Бѣлобожниця. Въ надписяхъ на древнихъ каменяхъ найденныхъ коло Аквилеи: Belino Apolline, Belino divi открываемъ только буквальный переводъ славянского слова Бѣлбогъ.

и) Ладо и Живъ.

Ладъ или **Ладо** стôлько извѣстное названіе многимъ лѣтописателямъ и даже по сю пору обыкновенно припоминаемое въ пѣсняхъ народныхъ, и однозначущій съ нимъ **Живъ** или **Живый** почиталися также у древныхъ Славянъ. Въ пѣсняхъ народныхъ особенно обрядныхъ, нашихъ **Гаивкахъ** и свадебныхъ пѣснопѣніяхъ часто повторяютъ имя: **Ладо**! **Ладо**! — Польскіи писатели (Кромеръ, Гвагнинъ, Бѣльскій) и Густинская русская лѣтопись*) пишутъ, що Ладо или Ладонъ означае бога всякого наслажденія и благополучія; для того приносили ему жертвы женившіися; отъ него за-

*) Въ сей лѣтописи читаемъ: „Четвертый **Ладо**, богъ пекельный; сего вѣрили быти богомъ женитвы, веселія, утѣшенія и всякого благополучія, якоже Еллины Бахуса; сему жертвы приношаху хотящіи женитися, дабы его помощію бракъ добрый и любовный былъ. Сего Ладона, бѣса, по никакихъ странахъ и до нынѣ на крестинахъ и на брацѣхъ величаютъ, поюще своя нѣкія пѣсни, и руками о руку или о столъ плещуще, **Ладо**, **Ладо** преплетающе пѣсни своя, многажды поминаютъ.“ Полн. Собр. Русск. лѣт. II. стр. 257.

висѣло счастіе семейственное; къ нему обращалися при рожденіи дитяти. Изъ пѣсень народныхъ тоже узнати можно, що Ладъ былъ божествомъ весны и любви. Слово Ладъ означае согласіе (гармонію), красоту, любовь; ибо ладъ и лада значитъ мужа и жену (см. Слово о полку Игоря), ладный — прекрасный, ладность — красоту. Ладканя называются у карпатской Руси пѣсни свадебныи, ладкати тѣже пѣсни спѣвати. Но такъ якъ Ладъ былъ божество любви и согласія и оразъ божествомъ весны, то слѣдовательно онъ былъ божествомъ гармоніи вселенной, любви всемірной, символъ дѣйствующого, оживляющого весенного солнца. Праздникъ ему отправляли во время самой красоты природы (по сказанію Стрыйковского отъ 23. Мая до 24. Іюнія).

Однозначительное съ Ладомъ было божество Живъ или Живый называемое Длугошемъ (Hist. Pol.) божествомъ жизни. По извѣстіямъ другихъ былъ онъ богомъ благополучія, верховный правитель вселенной и божество красоты и весны.

i) Богины.

Кромѣ мужескихъ божествъ Славяне поклонялись и божествамъ женскимъ. О богиняхъ славянскихъ находимъ свидѣтельства у розличныхъ писатесей: Прокопій упоминае о нимфахъ, обожаемыхъ Славянами; Арабскіи писатели пишутъ также о богиняхъ славянскихъ, а именно Масуди говоритъ, що противъ головного идола, находившогося въ одномъ изъ Славянскихъ храмовъ, стоялъ другій изображавшій дѣву; Ибнъ- Фоцланъ упоминае о женахъ и дочеряхъ русского бога; Дитмаръ говоритъ о изображеніяхъ богинь; Гельмольдъ и другіи говорятъ о богинѣ Живѣ; Вацерадъ*) вспоминае о Дѣваннѣ, Лѣтницѣ, Живѣ, Лютицѣ, Моранѣ, Хлипѣ; Длугошь о Дѣдиліи, Дѣваннѣ, Маранѣ и пр. И такъ славянская миѳологія имѣла божества женского пола къ почитанію, изъ которыхъ

*) Mater Verborum изд. В. Ганки въ Празѣ 1833.

переберемъ смыслъ и значеніе самыхъ головныхъ баснословныхъ существъ:

к) Лада — Жива.

Съ божествомъ мужескимъ Ладомъ или Живымъ почитали Славяне и отвѣтственное ему женское существо подъ названіемъ Лады и Живы, (у Гельмольда Сива). Вацерадъ объясняе ею словомъ Церера. Кажутъ, що она изображалась съ колосомъ и цвѣтами. По другимъ источникамъ она представлялась съ младенцемъ на головѣ и виноградною ягодою или яблокомъ. Колядныи наши пѣсни и щедровки часто вспоминаютъ о дѣвѣ съ дитяткомъ, опшеничномъ колосѣ, о винорадѣ и о червономъ или винномъ яблочку. Поклоненіе Ладѣ или Живѣ роспространено было у Славянъ и другихъ народовъ. У Пруссовъ называлась она Жиза, у Скандинавовъ Фригія (Фрея) *) вандальская,

*) До сего времени называеся у Галицкой Руси Фрея, Фрейка, Фрейда (Вацлавъ изъ Олеска 197.), женщина злого поведенія.

т. е. заимствованая отъ Славянъ, у Литовцêвъ именовалася Лада Золотою Панею, извѣстною и у южныхъ Русинôвъ подъ именемъ Золотой Бабы, которой статуи еще находятся изображающіи женщину съ младенцемъ. У Длугоша и Стрыйковского приходитъ она подъ названіемъ Дѣдилія. — Лада или Жива, здаеся, символизовала природу, жизненное начало, была мати солнца въ его воплощеніи, богиня любви, гармоніи, брака, веселія, красоты и всякого благополучія, мати-питательница міра, подательница благъ. Младенецъ на головѣ означалъ воплощенный свѣтъ, а яблоко въ руцѣ представляло туже идею, що яйце Латоны (въ римской миѳологіи) или яйце, начало всѣхъ вещей, которое почиталось Индійцами. Тое женское символическое существо находится во всѣхъ почти миѳологіяхъ и подъ розными наименованіями: Лада была тоже, що у Индійцевъ Бгавани, первоначальная воспринимающая зародышъ творенія, женственная сила; — у Египтянъ она была Изида; — у

Фригійцевъ а послѣ у Римлянъ матерь Цибела. (Creutz. Symbolik u. Mythol. d. alten Völker IV. 44.) Она была. здается, и то, що нынѣ называеся мати-земля, божество, которое почитали германскіи народы подъ именемъ Герты, однозначительной съ mater tellus у Римлянъ.

л) Лель — Леля. — Вода.

Якъ Латона, въ греческой миѳологіи, была матерею мужеского и женского существъ, Аполлона и Діаны, такъ и Лада славянская мати Леля и Лели. Лелисъ по литовски значитъ свѣтлый. лелѣти означае въ малорусскомъ языцѣ блистати, сверкати, и въ пѣсняхъ народныхъ употребляется тое слово яко припѣвъ: Лелю-Ладо. Тіи близнецы — тотъ двутѣлецъ — выражали природу первоначальную, когда она еще не выказалась въ противуположностяхъ, и природу окончательную, результатъ дѣйственности міровой жизни. Въ явленіи указалося тое двуполое существо въ образѣ отдѣльныхъ существъ

мужеского и женского. Мужеское есть воплощенный свѣтъ — Святовитъ; женское же Вода. Во всѣхъ миѳологіяхъ вода изображае страдательную первоначальную матерію женственного существа, изъ которой посредствомъ плодотворного прикосновенія существа мужеского произошли всѣ вещи." Въ Индіи тое существо есть Сакти, само по собѣ бездушное и холодное, а тôлько воспринимае отъ мужеского существа — огня Шивы, и производитъ жизнь." По зендскому понятію Церване-Акерене создалъ словомъ своимъ (Гоноверъ) — первообразъ матеріи, пра-Ормузда, въ которомъ соединялись начала свѣтла и воды и образовалось твореніе сперва черезъ роздѣленіе а потомъ черезъ взаимность противуположностей. "У Симитическихъ народовъ вода представлялась женскимъ страдательнымъ основнымъ елементомъ творенія. Въ Египтѣ вода считалась страдательно-женскимъ существомъ и символизовалась въ видѣ Изиды. пробуженной къ плодородію огнесвѣтломъ. Въ Греціи океанъ былъ въ началѣ всѣхъ

вещей, и по ученію Орфееву изъ воды образовалось твореніе, когда она возбужена была бракомъ съ божествомъ въ видѣ змѣи, называемымъ Гераклесъ: оно означало свѣтоносную силу. По скандинавскому понятію, твореніе возникло изъ противуположностей свѣтла или огня и воды или холода.

м) Космогонія.

Славянская космогонія не оставила намъ последовательного ученія, однако есть слѣды того понятія; у карпатскихъ Русинôвъ есть преданіе, що царь-огонь вмѣстѣ съ царицею-водою свѣтъ создали. Подобныи преданія находятся и у другихъ Славянъ. Созданіе міра описано также въ галицко-руской колядной пѣсни: „Ой коли было съ нащада свѣта, Тогда не было неба ни земли, Ано лишь было синое море." Потомъ описывается, якъ слетѣли два голубы — символы двуполой творческой силы, любви — и производятъ твореніе, добывая

изъ бездны стихіи оного *) — Страдательное положеніе воды въ природѣ послужило человѣку поводомъ видѣти въ ней женское существо. Безъ животворной силы свѣтла бездвижная вода наполняе пространство въ видѣ снѣгу, леда, мертвой массы; но когда свѣтло и теплота пробужаютъ еѣ, она розходится, и подъ вліяніемъ свѣтла, рождае и питае годовый міръ. И на томъ-то внутреннемъ основаніи Славяне-свѣтопоклонники почитали воду. Существо тое имѣло различныи названія. Сюда относятся имена Мораны или Морены, которыми называли чучело, кидаемое на праздникъ Купала въ воду, означающее бракосочетаніе свѣтла съ водою. Мокошь, божество упоминаемое Несторомъ, по мнѣнію Коллара, означало также водное женское существо. У Вацерада называеся божество моря Хлипа.

---

*) Христом. церковно славян. и древне-руская сост. Яковъ Головацкій, въ Вѣдни 1854. стр, 343. Slovansky Nàrodopis sestavil P. J. Szafarzik v Praze 1842. str. 157.

н) Дѣванна.

Важнѣйщее изъ названій женско-водного существа у Славянъ была Дѣвонія, Дѣванна и Дана. Корень сихъ словъ таится въ наименованіяхъ Славянскихъ рѣкъ: Донъ, Днѣпръ, Днѣстръ (Дана-прись, Дана—стрисъ), Двина, Дунай; и въ пѣсняхъ народныхъ припѣваютъ не безъ причины: Дана, дана! Яко вода, начало вещей, вѣчно-прекрасная, вѣчносвѣжая. она была дѣва и вмѣстѣ жена т. е. сопруга солнца. Такъ описуе ю Длугошъ. Въ нѣкоторыхъ сторонахъ Славянщины называлась она Дѣвою, откуда Дѣвинъ-градъ, (по нѣмец. Магдебургъ), где стоялъ храмъ еи. — Она была тождественна съ греческою Діаною или Артемидою. Миѳъ греческій о Діанѣ былъ также у Славянъ, которыи изображали въ Дѣваннѣ дѣву и жену, такъ якъ Греки розумѣли подъ Діаною не только дѣву Артемиду, но и Артемиду матерь, произведшую на свѣтъ любовь. Первоначальная Ефесская Діана

или Артемида изображала воду, яко производительное начало творенія и почитывалась яко дѣва и разомъ всеобщая матерь (Creutz. Symb. II. 117) Богиня та заимствована Греками изъ Скиѳіи, вмѣстѣ съ Аполлиномъ и Латоною (Ладою) изъ страны Гипербореевъ. —

o) Общее понятіе о божествѣ.

Изъ сего пересмотра баснословныхъ существъ Славянскихъ выходитъ, що Славяне признавали единого бога Вседержителя, творца и отца творенія, который своею премудрою всетворною любовію — Ладою — создалъ первоначальное бытіе. Тое бытіе заключало въ себѣ противуположность мужеской и женской природы: первая выразилась свѣтломъ, духомъ, вторая — матеріею, водною жидкостію: черезъ гармоническое соединеніе тѣхъ существъ образовалось невидимое и видимое. Свѣтъ-Духъ, истекаючій отъ бога, есть образъ высочайшого существа — а понеже тое существо выказывае свое творчество, свою му-

дрость въ міроправленіи, воспріявшую отъ бога, въ розноображіи явленій міра духовного и физического, то и поклоненіе ему было подъ розными видами.

Однакже не уважая на розличія въ изображеніяхъ, сопряженныхъ съ названіями, славянская миѳологія еще не впала въ многобожіе (политеизмъ), хотя Славяне и обожали видимыя силы природы или собственно почитали божество въ явленіяхъ природы. Каждое наименованіе божества не соединялось исключительно съ однимъ якимъ нибудь его качествомъ, такъ щобъ не касалось другого; напротивъ каждое вполнѣ выражало все, що божеству приписовалось. Всѣ тіи такъ названныи боги значили одно и тоже; ко всякому прибѣгали съ моленіями о счастіе; у всякого искали отвѣта небесной мудрости; предъ всякимъ совершались гаданія и приносились жертвы; всякій былъ покровителемъ плодородія, общественного и семейного счастья и войны.

п) Чернобогъ. — Дивъ.

Противуположное существу свѣтлому, животворному, доброму, было мрачное, смертоносное, злобное, которое по сказанію Гельмольда называлося Чернобогомъ, откуда происходитъ названіе чортъ. У Славянъ было злое существо, называемое Дивъ, Диво: Въ Словѣ о полку Игоря говорится: дивъ кличетъ верху древа и тѣмъ выражается предвѣщаніе опасности, а въ другомъ мѣстѣ набѣгъ Половцевъ и бѣдствіе, постигшое южную Русь, выражено: дивъ вержеся на землю. Ровное тому было злое существо бѣсъ, и Пекъ-Осина. Нигде въ прочемъ не сказано явно, было ли тое существо начало зла, или падшій ангелъ; но, невидя ніякихъ слѣдôвъ двоебожія (дуализма) въ славянскихъ понятіяхъ, можно утверждати, що Славяне признавали единый верховный источникъ жизни, а чортъ славянскій былъ такій же сovратившійся ангелъ, якъ и Локи Скандинавôвъ. На истуканѣ, найденнôмъ Колларомъ въ Бамбергу (съ надписью рунически-

ми буквами Чарни бугъ) изображенъ онъ въ видѣ льва или пса. Народное преданіе представляе его въ видѣ змія. Тотъ змій представляеся въ народной фантазіи темнымъ, но испускаючимъ искры: — вѣроятно, у Славянъ было понятіе о двухъ огняхъ: одинъ былъ животворный, нерозлучный съ свѣтломъ; другій розрушающій, пороженный изъ тьмы.

р) Борба доброго начала со злымъ.

Съ тимъ виновникомъ зла боресе начало свѣтла, истины и добра, и въ такомъ бореніи проявляеся жизнь въ природѣ физической и въ нравственной. Въ природѣ физической борьба выражаеся противуположностію жизни и смерти существъ и противуположностію годичныхъ временъ: лѣта и зимы. Природа росте, цвѣте и оплодотворяеся, то царство Святовита: природа мерзне, явленія погибаютъ: то власть противного начала. Свѣтло и теплота представляются въ борьбѣ съ тьмою и холодомъ. Тоже и въ мірѣ нравственномъ: до-

бро въ человѣческômъ мірѣ бореся со зломъ. Божество свѣтла духовного, истины и блага, являеся межи родомъ человѣческимъ, принимае человѣческій образъ, научае смертный родъ истинѣ, бореся со врагомъ, недопускаючимъ человѣка къ блаженству, побѣждаеся, а наконецъ возстае и торжествуе. Такое начало составляе душу почти всѣхъ вѣрованій человѣческихъ. — Тая идея высказалася въ воплощеніяхъ Вишну, и въ Озирисѣ, и въ Діонисіи, и въ Атисѣ, и въ Созіашѣ, и въ Бальдурѣ и въ славянскомъ языческомъ божествѣ съ розличными названіями а съ однимъ значеніемъ. Гельмольдъ говоритъ, що Радегастъ былъ герой, странствовалъ по земли, и погибъ въ сраженіи, а потомъ содѣлался божествомъ. Певно Славяне вѣрили въ его воскресеніе или переходъ въ высшую жизнь яко существа вмѣстѣ божественного и человѣческого. ибо Святовитъ, по ихъ понятію, ѣздилъ на конѣ своемъ и сражался съ врагами. — Къ тому же понятію о временномъ побѣжденіи свѣта тьмою и послѣдую-

щомъ его торжествѣ относится суевѣріе о снѣденіи солнца; древніи Русины думали, що змій съѣдае солнце, а потомъ. оно опять воскресае и побѣждае врага; такъ толковалъ народъ, по словамъ русскихъ лѣтописей, затьмѣніе солнца.

Тая идея воплощенія, страданія и торжества божественного существа на землѣ была чудеснымъ предчувствіемъ пришествія Сына Божія, солнца правды, свѣта истины, и служитъ величайшимъ историческимъ подтвержденіемъ истины священного писанія. То была идея, вложенная Творцемъ въ родъ человѣческій: человѣкъ якую бы религію ни создалъ собѣ, непремѣнно долженъ былъ проявити въ ней тое начало, съ которымъ самъ произошолъ на свѣтъ: оторвати ôтъ него мысль о вочеловѣченіи божества было бы столько же трудно, якъ истребити вѣру въ свою душу. Во всѣхъ миѳологіяхъ, якъ бы они ни были извращены человѣческимъ мудрованіемъ и фантазіею, скрытаются истины, въ глубочайшей древности дѣтства человѣчества открытыи свыше. Хотя Ев-

реи сохранили ихъ въ чистѣйшомъ видѣ, но и другіи народы не потеряли ихъ совершенно, ибо всѣ, по премудрому предначертанію Провидѣнія, должны были содѣлатися участниками спасенія. Христосъ умеръ за всѣхъ, и для того былъ чаяніемъ всѣхъ языковъ.

c) Вѣрованіе въ Духовъ.

Вся вселенная, оживотворенная огнесвѣтломъ, духомъ красоты, гармоніи и розума, сыномъ красной любви Лады, великимъ Ладомъ, Бѣлымъ добрымъ богомъ, святымъ витяземъ, другомъ человѣка, соединеннымъ съ плодотворною любовію съ прекрасною Дѣванною, есть сцена борьбы его съ мрачнымъ Чернобогомъ. Все на землѣ оживлене духами, которыи помагаютъ или доброму или злому началу. Якъ нравственнымъ свойствамъ человѣка, такъ и физическимъ предметамъ Славяне придаволи духовъ: одни были добрыи, другіи были падшіи. У Славянъ имѣли они названіе боговъ вѣтряныхъ (въ области небесной), лѣсныхъ, поле-

вых, земляныхъ (земныхъ) и водяныхъ (въ области подземной, преисподной) и пр.

т) Воздушніи духи.

Солнце, мѣсяцъ, звѣзды и всѣ небесныи явленія изображались олицетворенными. Мѣсяцъ былъ супругъ звѣзды, его сопутницы; въ свадебныхъ русскихъ пѣсняхъ заставляютъ добрый мѣсяцъ призывати любезную свою звѣзду (зорю) взойти разомъ, освѣтити поле и море, обрадовати звѣрей въ лѣсу и гостей въ дорозѣ. Въ созвѣздіи медвѣдицы, народъ видитъ коней, вѣроятно Святовита. Чорная собачка, (у Гуцулôвъ сучка) олицетвореніе Чернобога, каждую ночь хоче перегрызти упряжь (вôе), щобъ розрушити весь организмъ (ладъ) творенія, но не успѣвае, потому що передъ розсвѣтомъ побѣжитъ пити до кирницѣ, а тѣмъ временемъ упряжь сростаеся. Въ созвѣздіи Оріона земледѣльцы видятъ плугъ, символъ гражданственности, который по старинному понятію, спалъ съ неба. Дуга есть блистя-

щее коромысло, которымъ царица небесная — прежде Жива-Лада, — почерпае изъ святого всемірного колодязя животворную воду и орошае поля. Громъ происходитъ отъ громовника-Перуна. Градъ сучатъ на воздухахъ богини и сѣютъ великанскимъ решетомъ на землю. Воздухъ Славяне олицетворяли подъ именемъ духа Погоды или Догоды; вѣтеръ почитали за духъ *), вѣющій отъ Божества Стрибогомъ и Похвистомъ. Лихій вѣтеръ назывался вихоръ и происходилъ отъ Чернобога; онъ могъ ослѣпити и роздути человѣка. Огненныи метеоры были также злыми явленіями и называлися змѣями и смоками. Падающіи звѣзды почитались душами-феруанами людей и паденіе означало смерть.

---

*) „Вѣтеръ божій духъ." См. Галицкіи Приповѣдки и загадки собраныи Гр. Илькевичемъ. У Вѣдни 1841 стр. 17.

γ) Водныи существа.

Вода была населяема существами, служившими то доброму то злому началу; хотя **вода** была сама собѣ свята, но злое существо посылае въ ню своихъ клевретôвъ для отравленія счастья людского. — Къ существамъ населяющимъ воду, принадлежатъ во первыхъ **Русалки**. Сіе названіе происходитъ отъ кельтского слова **русъ** (т. е. вода), отъ которого корня руское слово **русло**, означающее середину рѣки. Русалка значитъ обитательница русла-воды. То суть тыи самыи Нимфы, о которыхъ упоминае Прокопій. Жіючи постоянно въ водѣ, на праздникъ Лады весною, когда вся природа праздновала воскресеніе и возворотъ Святовита-солнца, они выходили изъ воды и отправляли хороводы на лугахъ, въ лѣсахъ и на нивахъ. Нынѣшніи повѣрья изображаютъ ихъ существами своевольными, шутливыми; они колебаются по деревахъ, чешутся при свѣтлѣ мѣсяца; но иногда нападаютъ на людей и

залоскочують ихъ до смерти. *) Русалки суть существа легкіи, почти безтѣлесныи, ни добрыи ни злыи. Они были вѣроятно сопутницы Дѣвонѣ и потому изображаются яко существа земноводныи, ибо народное преданіе помѣщае ихъ по полях и лѣсахъ подъ именемъ Мавокъ или Мявокъ. По вѣрованію Гуцуловъ Мявки выправляютъ танцы свои на горѣ Игрецѣ.

Къ такимъ же существамъ принадлежатъ Морскіи панны. Къ злымъ воднымъ существамъ причислялись Топельцы или Топельники и Ухеходы или сирены у Чеховъ, у Русскихъ же водяныи и болотняныи (дѣдьки), которыи перевертаютъ лодки, заманиваютъ людей въ погибель, розрываютъ плотины и гребли, ломлютъ млыны. Болото, трôстье, очеретъ представляется жилищемъ существъ злыхъ, а чистая вода добрыхъ. Оттуда происходитъ народная посло-

*) См. Пѣсни Малороссійскія изд. Мих. Максимовичемъ Моск. 1827. кн. IV. 4. —

вица: „Якъ дѣдько въ очеретъ влѣзе, то въ котру схоче дудку грае.“

Къ сухопутнымъ фантастическимъ существамъ принадлежали Вилы, о которыхъ повѣрія остались у Сербо̂въ. Вила изображается прекрасною дѣвою, но разомъ и воинственною. Они часто дѣлаютъ зло людямъ, умилостивляются кровавыми жертвами, заключаютъ съ героями побратимство и помагаютъ имъ на войнахъ. У Чеховъ называются подобныи дѣвы полудницами.

ф) Почитаніе деревъ.

Къ лѣснымъ богамъ принадлежатъ Святиборъ, Лѣшіи у Русскихъ, представляемыи одноокими, и великаны вырвидубы. Лѣсы были у язычнико̂въ Славянскихъ предметами особенного поклоненія, ибо всѣ свѣтопоклонники чествовали ростѣнія, яко проявленіе ежегодной дѣятельности свѣтлоносного начала. Религія Зендская заключала ученіе о священно̂мъ деревѣ жизни, называемомъ Гомъ. Тое дерево играе тамъ

важную ролью при сотвореніи міра, оно источае живую (живущую-цѣлющую у Славянъ) воду. Що-то подобное было и у Славянъ, ибо въ пѣсни, где описывается чудесное сотвореніе міра говорится, що прежде чѣмъ создана была земля и небо. стояли два дубы (по другому преданію зеленый яворъ) посреди первоначальной жидкой массы. Такое дерево у Скандинавôвъ называеся Ягдразилъ, или всемірное дерево: туда сходились боги для совѣта о созданіи міра. О поклоненіи Славянъ деревамъ мы имѣемъ многіи чисто-историческія свидѣтельства. Прокопій говоритъ, що Славяне имѣли священныи рощи и покланялись старымъ деревьямъ. Въ Щетинѣ рôсъ великій вѣтвистый дубъ надъ источникомъ; тотъ дубъ считался жилищемъ божества. Священныи рощи замѣняли храмы. Изъ краледворской рукописи узнаемъ мы, що у Чехôвъ были заповѣдныи рощи (луги). Ибнъ-Фоцланъ передае извѣстіе о поклоненіи Русинôвъ деревамъ. Константинъ Порфирородный говоритъ, що

Руссы приносили жертвы подъ деревами. Въ житіи Князя Константина говорится, що русскіи язычники покланялись дуплистымъ деревамъ, обвѣсивши ихъ убрусами. Въ Уставѣ князя Владиміра запрещаеся молитися у рощей. Судивши по остаткамъ Славянской миѳологіи въ пѣсняхъ и сказкахъ народныхъ видимъ растительную природу всюда оживлену и символизовану: деревья и зела часто говорятъ и межи собою и съ птицами, и людьми и имѣютъ символическое примѣненіе къ человѣку.

х) Символическое значеніе деревъ — птицъ — звѣрей

Славяне почитали священными деревами дубы, особенно старыи; ясень, здаеся, былъ посвященъ Перуну. Кленъ и липа символизовались брачною четою; кленъ заключалъ въ собѣ таинственную благодѣтельную силу; кленовый листъ имѣлъ магическое цѣлительное свойство. Подъ липами совершались жертвоприношенія. О-

рѣшникъ былъ также священное дерево. Береза символизивала чистую мати-природу.

Птицы имѣютъ у Славянъ также символичискіи значенія. Преимущественно же баснословныи понятія соединились съ зозулею, голубами, ластовками и воронами. Зозуля изображается провозвѣстницею будущого, съ таинственнымъ смысломъ. По сказанію Прокоша превращаеся въ тую птицу Живый. Голубъ есть у всѣхъ Славянъ символъ любви и для того то въ одной карпатско-русской пѣсни приписываеся сотвореніе міра двумъ голубамъ, т. е. мужескому и женскому первосуществу. — Ластовка у древнихъ Славянъ принимала великое участіе въ судьбѣ человѣка. Такъ въ Любушиномъ судѣ ластовка подае знакъ сестрѣ Кленовичей о ссорѣ ея братьёвъ. — Вороны были священными птицами; никто не смѣлъ пугати ихъ въ лѣсѣ. Сова, здается, была символомъ смерти и тьмы; когда душа вылѣтала изъ тѣла то всѣ птицы перепугались, только однѣ совы не-

испужались. Кромѣ сихъ птицъ Славяне многимъ другимъ приписывали даръ прорицанія. Птицеволхвованіе было росространено у всѣхъ Славянъ.

Изъ четвероногихъ священными у Славянъ былъ в ô л ъ и к ô н ь. Изображеніе бычачей головы на щитѣ Радегаста относится въ свѣтлопоклонической идеѣ Персôвъ и Египтянъ; быкъ былъ символомъ плодотворенія, онъ означалъ въ Египтѣ живительную силу солнца. Якъ почитали Славяне коня, видно изъ описаній богослуженія Святовита и Радегаста; гаданіе посредствомъ коня осталось до сихъ поръ.*) -- Священными на-

---

*) Въ сборнику пѣсень М. Максимовича (Москва 1827) читаемъ слѣдующее:

Якъ воронъ до тебе
Въ оконце закраче:
Зъ за моря прискаче
Коваченько твôй.
Якъ яворъ зелену головоньку склонитъ,
Зозуля кукукне, дуброва застоне,
И кôнь подъ тобою спôткнется, вôдыхне!
Тоди вже не буде на свѣтѣ мене.

сѣкомыми почитались пчолы. Медъ у Славянъ считался священнымъ якъ у греческихъ язычниковъ: онъ приносился въ жертву богамъ и употреблялся на тризнахъ. Божая коровка (Lucanus cervus) уже своимъ названіемъ припоминае принадлежность якомусь божеству.

ц) Земныи Духи.

Землю Славяне населяли существами добрыми и злыми. Къ добрымъ принадлежалъ Дѣдушка (Дѣдъ, Дѣдухъ), который появляеся на мѣстахъ, где скрыты сокровища. Скритки у Чеховъ — пигмеи, — кажеся, были существа ни добрыи ни злыи; такъ на Руси вѣрятъ въ Перстука, Котигорошка (Мужичокъ съ ноготокъ- борода съ локотокъ. У насъ называютъ медведика (Gryllotalpa vulggaris.) Земледухомъ. Зѣня или земное щеня, по вѣрованію народному, мае цѣлительную силу. Ворожка, которая зѣня давила, самымъ осязаніемъ изцѣляе жолны. Были и подземны злыи духи — у Чеховъ и Поляковъ

Стриги именуемы. Домовыи (Дѣдухи, Дѣдьки), безъ сомнѣнія, и у Славянъ означали пенатовъ, покровителей дома и домашныхъ пожитковъ.

Къ числу злыхъ фантастическихъ существъ принадлежали Кощей-Ядунъ или Кощей безсмертный (ср. Слово о полку и Игоря), представляемый въ воображеніи въ видѣ остова (скелета), и треклятая баба Яга (Язя), противуположная золотой бабѣ Ладѣ, или моровая женщина (Чума, Джума) у Сербовъ Куга. — Вообще сказати можна, що Славянская демонологія весьма богата въ преданія розличного рода; у народа есть сказокъ того рода непребранное множество.

ч) Метаморфозы.

Съ символическимъ почитаніемъ предметовъ физическаго міра тѣсно связано было у Славянъ вѣрованіе въ превращенія, въ пѣсняхъ Славянскихъ весьма много исторій о превращеніяхъ

(метаморфозахъ); вѣрно древніи Славяне вѣрили, що душа покойника и даже живый человѣкъ съ тѣломъ може перейти въ дерево, или птицу, или якое другое существо.

Ото нѣсколько метаморфозъ изъ пѣсень и повѣстей народныхъ:

1. Дѣвчина не слухала предостереженій брата, вступила на рѣчную кладку, утонула и превратилась въ березу, очи ея въ терновыи ягоды, а коса въ траву.

2. Злая мати преслѣдовала сына суровымъ обращеніемъ; сынъ уѣхалъ и превратился въ зеленый явôръ, а кôнь его въ бѣлый камень. Мати сышла въ поле и стала пôдъ яворомъ, который отозвался къ ней и она превратилась въ пыль.

3. Юноша полюбилъ дѣвицу и убѣжалъ съ нею, но ніякъ немôгъ соединитися бракомъ; самъ онъ превратился въ теренъ, а дѣвица въ калину.

4

4. Дѣвица долго дожидалась своего жениха, выходила ва высокій курганъ и плакала до тѣхъ поръ, поки не превратилася въ тополю.

5. Мужъ поѣхалъ на войну, остовя жену на попеченіе матери своей. Свекровь обращалась съ нею такъ сурово, що невѣста отъ тоски превратилася въ орябину. Мужъ, возвратившись, увидѣлъ неизвѣстную рябину, началъ рубати, а въ деревѣ показалася кровь, и орябина сказала, що она превращенная жена его.

6. Братъ убилъ брата: изъ тѣла убитого выросла комишина, которая, бывъ сорвана, играла пѣсню, обличающую убійство. Гуцулы повѣдають, що два браты убили сестру, приказавши ей стеречи посѣянное просо, которое рылъ дикій вепръ, и закопали ей пôдъ дубомъ. На ей могилѣ выросла бзина (другіи говорятъ верба), изъ ней поробили хлопцы сопѣлки, а сопѣвки играли будто слова:

Ой мало, мало,
Два братци були,

Тай сестру вбили
За того вепря,
Що просо рыв, рыв,
Брат мене вбив,
Під дуба зарыв.

7. Юноша долго находясь на чужинѣ, женился и узнал, щд жена его есть рдная сестра: обое превратилися въ цвѣток, называемый на Украинѣ брат с сестрою, Viola tricolor; брата означае синій цвѣт, а сестру жолтый цвѣт.

8. О зозулѣ (кукулцѣ) розсказуеся нѣсколько превращеній; н. пр. у Сербов сестра превращаеся въ зозулю за то, що плакала о мертвдм братѣ. У Поляков княжна, которую отдавали насильно замуж, превратилася въ зозулю. У нашого народа женщина, отданая въ далекую сторону замуж, перекинулася въ сиву зозуленьку и прилетѣла к матери въ видѣ зозули,

ш) Безсмертіе Души.

Славяне признавали въ человѣку особое существо, которое называли душею. По краледворской рукописи выбитая душа выходила изъ горла *) лѣтаючи пускалася по деревямъ, тогда Морена препровождала ее въ чорную ночь. Такъ изображаеся кончина человѣка. Изъ Нестора и Арабскихъ писателей мы знаемъ, що Славяне своихъ мертвецôвъ сожигали,**) а попелъ ставили въ сосудахъ на столпахъ надъ дорогами и творили тризну или поминки въ честь усопшихъ. — Праздники въ честь умершихъ, совпадающіи весною съ празденствами обновленія

---

*) Въ takомъ же смыслѣ Пѣвецъ Игоря сказалъ весьма поэтически: „единъ же (Изяславъ) изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чрезъ златое ожереліе."

**) Въ самой Галичинѣ найдено три древніи кладбища, где выкопуются глиняныи сосуды съ попеломъ спаленыхъ мертвецовъ или попелницы; именно коло Судовой Вишни и возлѣ селъ Выспы и Рукомыша. Жаль только, що доси никто изъ ученыхъ родимцевъ не изслѣдовалъ мѣстности и не добылъ хотя бы одинъ екземпляръ въ Музей Дома народного.

природы, возліянія и молитвы за мертвыхъ, показываютъ, що Славяне имѣли понятіе о жизни загробовой. Изъ Нестора и Льва Діакона мы узнаемъ, що по славянскому понятію, клятвопреступникъ будетъ рабомъ въ будущемъ вѣку. Встарину во время поминокъ льяли вино на могилу и ставили страву, съ тою мыслію, що все тое достанется покойнику. И до сего времени водится межь народомъ при похоронахъ много обрядовъ припоминающихъ язычество н. пр. ставленіе меду или молока при тѣлѣ покойника, посыпованье макомъ хижины, съ которой вынесли усопшого; грушка или игрушка, т. е. цѣлоночное бдѣніе юношества, которое при покойнику забавляеся сказками, загадками и прч.

Слѣдовательно, смерть не пресѣкала существованія человѣка совершенно. Славяне однакожь не имѣли опредѣленного для душъ умершихъ мѣстца; мертвецы, по народному понятію, не приходятъ изъ ада и мрака, а вылѣзаютъ, якъ упыри и упырицы, изъ гроба или появляются не-

известно откуда; одни дѣлаютъ людямъ зло, другіи бродятъ безъ всякой цѣли по міру, не находячи собѣ пріюта. Изъ всѣхъ такихъ повѣрій, которыхъ есть безчисленное множество, видно, що едва было опредѣленное мѣстце для мертвыхъ, но що было вѣрованіе о жизни послѣ смерти. Души по смерти переходили въ деревя, въ птицы и отзывалися человѣку, или принимали свой прежній образъ и являлися. То не былъ совершенный митемпсихозисъ, токмо недостаточность понятія о раѣ и адѣ послѣ смерти, однакже было вѣрованіе о новой жизни, о возворотѣ и обновленіи.

щ) Гаданіе и вѣщба.

Славянская религія чужда была фатализма. О томъ насъ извѣщае еще Прокопій, говоря, що Славяне о судьбѣ вовсе не имѣютъ понятія. — Гаданія при храмахъ не значатъ также вѣры въ судьбу, але значатъ то, що человѣкъ чувствуе недостатокъ своего розума и желае у-

знати отъ божества: будетъ ли гараздъ, и въ ладъ то, що онъ предпринимае.

Вѣра въ гаданія была роспространена межи Славянами такъ, що и до сихъ поръ въ рускихъ селахъ знахоръ или гадатель пользуеся такоюжъ силою и значеніемъ якъ оракулъ. Прорицанія въ храмахъ всегда совершалися съ гаданіями. Гадали не только жрецы (вѣщуны), но и женщины (вѣщкини).

Славяне имѣли глубокое уваженіе къ жребію и считали его объявленіемъ высшей воли. Вмѣстѣ съ симъ соединялася вѣра въ могущество слова. Человѣческое слово имѣло въ собѣ щось чародѣйственное, заключало таинственную силу, которую узнати — была высокая мудрость. Слово могло дати человѣку счастіе и погубити его безвозворотно; слово могло прогоняти болѣзни, остановляти дѣйствія злыхъ духовъ, управляти физическими явленіями, творити чудеса. Памятникомъ того вѣрованія остались заговоры, посредствомъ которыхъ простый народъ думае

пріобрѣтати богатства, избавлятися отъ опасностей и болѣзней. Вѣщуны, знахори или ворожбиты еще доси, по мнѣнию суевѣрного народа, отвертаютъ извѣстными словами градовыи тучи; ворожки знахорки, вѣдьмы будто отвращаютъ болѣзни и всякое лихо отъ однихъ а насылаютъ є другимъ. Такое вѣрованіе розвило у Славянъ любовь къ поезіи и произвело огромный запасъ пѣсенности. Въ пѣсни видѣлъ Славянинъ не только пріятное, но и высоко-чудесное; поетъ носилъ имя вѣщого, т. е. вѣдаючого сокровенныи истины, у Бояна были вѣщіи персты, которыи онъ на живыи струны вскладалъ, они же сами княземъ славу грохкотали (Слово о Полку Игоря); сама поезія называлась вѣщба. Оттуда у Славянъ уваженіе къ законамъ и правиламъ отцевъ, выражаемымъ во множествѣ изреченій и пословицъ, въ которыхъ высказываеся житейская мудрость.*)

*) См. Славянская Миѳологія, Сочиненіе Н. Костомарова. Кіевъ 1847.

Б. О ЯЗЫЧЕСКОМЪ СЛАВЯНСКОМЪ БОГОСЛУЖЕНИИ.

а) Святилища богослуженія.

Уже выше примѣчено было, що богослуженіе языческихъ Славянъ во всѣхъ головныхъ основаніяхъ сходно было, хотя обряды въ частнômъ розвитіи розличны были. Славяне отличали въ сонмѣ божествъ богôвъ земныхъ отъ богôвъ небесныхъ и покланялися однимъ и другимъ въ особенныхъ святилищахъ. Богамъ земнымъ покланялися всюда, где по народному вѣрованію тіи боги обитали или выказывали свою божественную силу, богамъ же небеснымъ отда-

вали честь въ особенныхъ храмахъ предъ идолами изображающими божество.

Жертвенники богослуженія стояли по большей части подъ открытымъ небомъ при рѣкахъ, на горахъ, подъ сѣнію священныхъ дубровъ и рощей, однакже Славяне, преимущественно западны, строили также храмы посвященныи розным божествамъ.

б) Мѣстця поклоненія водѣ и огню.

Воду почитали Славяне стихіею, изъ которой образовался міръ, ибо по понятію Славянской космогоніи земля выплынула изъ моря или вынята изъ моря. Воды, рѣки, моря населяемы были розличными миѳическими существами. Съ вѣрованіемъ въ божественность воды соединялось понятіе о томъ, що на берегахъ водъ яко въ присутствіи божества, должно совершати богослужебныи обряды. Изъ того слѣдуе, що святилищами служенія воднымъ божествамъ были особенныи мѣстца у береговъ священныхъ озеръ,

рѣкъ, потоковъ и ключей, куда народъ собирался для исполненія своихъ священныхъ обрядовъ. О томъ свидѣтельствуютъ также древніи писатели: И такъ у Прокопія (III. 14) читаемъ: „що Славяне обожаютъ рѣки, нимфъ и нѣкоторыхъ другихъ духовъ, приносятъ имъ жертвы и по жертвамъ гадаютъ о будущемъ." Левъ Діаконъ (IX. 8) пише о Русинахъ языческихъ: „Воины Святослава погружали въ струи Дуная младенцевъ и пѣтуховъ по совершеніи погребенія воиновъ, павшихъ въ битвѣ." Не упоминая о другихъ чужестранныхъ писателяхъ приводимъ еще Нестора, который говоритъ, що Русины языческіи „кладяземъ и езерамъ жертву приношаху," о чемъ и Новгородская лѣтопись упоминае. Тоже въ уставѣ Владиміра о судахъ упоминается о молящихся у воды, а въ правилахъ Митрополита Іоанна читаемъ о „еже жрутъ бѣсомъ и болотомъ и колодяземъ;" также и о бракахъ совершаемыхъ у простого народа плесканіемъ, наконецъ и Кирилъ явно научае: „не

нарицайте собѣ бога . . . . ни въ рѣкахъ, ни въ студенцахъ" и пр.

Почтеніе къ нѣкоторымъ колодязямъ и озерамъ даже до сего времени совсѣмъ не истребилось; по сію пору еще называе народъ нѣкоторыи кирницы святыми, населяе рѣки, озера и колодязи морянами, водянами, русалками, потопелниками и пр., еще нынѣ совершае онъ на берегахъ рѣкъ розличныи обряды, особенно въ день Ивана (Купала), рано утромъ купаются въ рѣкахъ, умываются непочатою водою, а ввечеръ приносятъ идола, моряну, потопляютъ его и кидаютъ вѣнки, цвѣты и пр. причемъ поются обрядныи пѣсни.

Изъ всего того видно, що Славяне въ языческое времѧ поклонялися воднымъ божествамъ, призывали ихъ въ своихъ клятвахъ въ подтвержденіе данного слова, супружеского обѣта и т. д очищалися водою, яко стихіею священного; мылися надъ водою; приносили воднымъ божествамъ въ жертву цвѣточныи вѣнки, яства, гро—

ши, пѣтуховъ, даже живыхъ людей и вѣровали въ пророческую силу водныхъ божествъ.

Подобно водѣ служилъ также огонь, яко первозданная стихія, яко самое божество предметомъ поклоненія, о чемъ убѣждаемся изъ слова Христолюбца, который пише о томъ: „И огневи молятся, зовутъ его Сварожичемъ." Служеніе огню совершалося въ важнѣйшіи годовыи праздники, яковыи были Коляда и Купало, въ которое время палили костры, спѣвали и плясали коло огня и скакали черезъ огонь ради очищенія.

в) Святилища горныи и лѣсныи.

Верхи горъ, скалы и каменья считалися обиталищами божества, и по сему были почитаемы якъ священныи мѣстца богослуженія, на нихъ находились каменныи жертвенники, которыхъ слѣды во многихъ сторонахъ и до сего времени обрѣтаются.

Лѣсы, рощи и деревья были также почитаемы жилищами богôвъ. Въ лѣсахъ, рощахъ и заповѣдныхъ гаяхъ или у отдѣльныхъ деревьевъ, особенно старыхъ, поклонялись божеству. Такъ Константинъ Багрянородный говоритъ (De administrando imperio 9.) о богослуженіи русскихъ язычникôвъ: „Приходя на островъ св. Георгія Русины совершали жертвоприношенія подъ великимъ дубомъ" Въ уставѣ Владиміра о церковныхъ судахъ говорится о тѣхъ: „кто молится въ рощеньи", а въ Ипатьевской Лѣтописи упоминается о служеніи около куста. Подобноежь служеніе находилося и у другихъ Славянъ. Оно совершалося пôдъ отдѣльнымъ деревомъ (дубомъ, липою, орѣхомъ), или въ рощѣ, или въ заповѣднôмъ гаѣ, обыкновенно раемъ*) называе–

---

*)О томъ раѣ вспоминаютъ и наши свадебныи пѣсни; — весѣльное деревце называеся райское деревенько, см. Русалка Днѣстр. стр. 54.

Благослови Боже
И ты божая мати
Деревце убирати:

иомъ, где дерева святилища были отдѣляемы огородою, за которую не было никому, исключая жрецовъ. позволено преступати. — Совершеніе служенія поручалося жрецамъ и состояло въ моленіяхъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ.

г) Городища.

Городища принадлежали также къ святилищамъ посвященнымъ жертвоприношенію и языческимъ обрядамъ; они составляли переходъ отъ простыхъ жертвенниковъ къ храмамъ. Яко памятники язычества они заслуживаютъ особенного вниманія. Городищемъ (городискомъ) называсся старинная валовая насыпь, изогнутая на своемъ протяженіи правильною дугою или угловато въ цѣлый кругъ или полукружіе. Иногда об-

---

Райское деревенько
Передъ раемъ стояло,
Та въ рай ся похиляло,
Та силненько зацвило.

ведена она кругомъ или съ одной стороны, не ровомъ, но другою подобною насыпью или даже многими. Во внутреннемъ просторонствѣ имѣютъ городища въ поперечнику 10 до 80 шагôвъ, высота же вала бывае отъ 3хъ до 20 шагôвъ. Многіи такіи городища имѣютъ одинъ или два входы и положены на скатѣ горы надъ водою, или при стеченіи двохъ потокôвъ, а по мнѣнію извѣстного старожитника Зоріяна Ходаковского *) должны имѣти въ окрестности своей урочища съ названіями божествъ или вещей до богослуженія языческого принадлежащихъ.

Городища такіи розкинуты по премногихъ Славянскихъ краинахъ, особенно по сѣверномъ подножію Карпатъ, у насъ въ Галиціи и цѣлôй русскôй земли, хотя и не обрѣтаются на всякôй квадратнôй милѣ, якъ тое предполагалъ Ходаковскій.

*) O Sławiańszczyznie przed chrześciaństwem. Kraków 1835

Розкопуючи городища найдено множество попела, угля, недогорѣвшіи головни, кости и роги животныхъ, черепки розбитыхъ глиняныхъ сосудôвъ, также ножи, стрѣлы, приборы къ одежѣ изъ бронза, серебра, золота и пр. и даже каменныи основанія костра или жертвенника. Все тое доказывае, що городища были мѣстца совершенія языческихъ обрядôвъ жертвоприношеній или сожженія мертвыхъ, которыи послѣдніи носили на собѣ тоже характеръ жертвоприношеній; вообще, що городища имѣли богослужебное значеніе, хотя не можно опредѣлити, якого рода богослуженію они посвящены были и якіи именно обряды въ нихъ совершалися.

д) Извѣстія о храмахъ языческихъ.

У Славянъ были также для богослуженія созданыи храмы, капища или контины, въ которыхъ стояли идолы, передъ нимиже приносилися жертвы. Храмы были посвящаемы божествамъ высшимъ небеснымъ. О храмахъ Святовита, Раде-

гаста и др. божествъ, обожаемыхъ въ Ретрѣ, Арконѣ и Щетинѣ, уже было выше упомянуто, тутъ приводимъ еще свидѣтельства о сѣверныхъ или руских Славянахъ:

Древнѣйше изъ извѣстій о языческихъ храмахъ Славянскихъ принадлежитъ арабскому писателю Масуди. Въ его Золотыхъ Лугахъ читаемъ о нихъ слѣдующіи строки: „Были въ землѣ Славянской священныи зданія. Одно изъ нихъ находилось на горѣ, одной изъ самыхъ высокихъ, якъ говорятъ философы. Тое зданіе есть славно — по своей архитектурѣ, — по сложенію каменей розличного рода и рознообразныхъ цвѣтôвъ, — по отверстіямъ въ верху, — по постройкамъ, сдѣланнымъ въ нихъ для наблюданія точокъ восхожденія солнца, — по дорогоцѣннымъ камнямъ, въ немъ сохраняющимся, — по знакамъ, на нихъ начертаннымъ и показывающимъ будущіи дѣла, событія, предсказанны тѣми дорогоцѣнными камнями прежде, чѣмъ они случились, — по звукамъ, розлягаючимся сверху зда-

нія, — наконецъ по тому, що приключается съ людьми, когда тіи звуки поражаютъ ихъ слухъ. Другое зданіе было построенно однимъ изъ ихъ царей на Черной горѣ, окруженной чудотворными водами розличного цвѣта и вкуса, которыхъ цѣлебная сила всюда извѣстна. Тамъ есть ихъ большій идолъ, представляющій Сатурна(?) въ видѣ старца. — Еще одно изъ зданій находится на горѣ, окруженой морскимъ заливомъ; оно построенно было изъ мрамора и земного изумруда. Посреди зданія возвышаеся великій куполъ, пôдъ которымъ стоитъ идолъ; а противъ него другій изображающій дѣву. Построеніе того храма приписывали мудрецу, жившому когда-то давно между ними." О храмахъ русскихъ Славянъ упоминаютъ только короткими словами лѣтописи, Иларіонъ Митрополитъ и Кіевскій патерикъ; самое же подробное извѣстіе о русскихъ языческихъ храмахъ приводитъ Скандинавская повѣсть (Сага) о Олавѣ Тригвесонѣ: „Олавъ" сказано тамъ — „ѣздилъ всегда къ храму съ

княземъ Владиміромъ, но никогда не входилъ въ него, а стоялъ предъ дверьми, когда Владиміръ приносилъ богамъ жертвы." — Сіи свидѣтельства доказываютъ убѣдительно, що у Славянъ существовали особенныи храмы, для богослуженія.

е) Устройство и положеніе храмо̂въ.

Внутренно̂сть храма роздѣлялась на двѣ части, т. е. переднюю часть и собственное святилище, которое иногда находилося въ серединѣ храма. Святилище отдѣлялося отъ передней части храма четырьмя столбами и богатыми навѣсами, спущенными до земли (Saxo Gram. 837. 838). Головный идолъ занималъ въ святилищѣ первое мѣстце, въ серединѣ, а вокругъ него розположены были другіи идолы и священныи вещи. Передняя часть храма, окружавшая святилище, была вѣроятно далеко просторнѣйшая. Стѣны, еѣ окружавшіи, были украшены рѣзаными изображеніями священныхъ предмето̂въ, рогами звѣрей,

багрянными тканями и пр. Разьба была такъ на внутренней якъ и на внѣшней сторонѣ стѣнъ иногда выпуклая и розкрашена цвѣтами. Изображенія представляли богôвъ и богинь, людей, птицъ, звѣрей, насѣкомыхъ, безъ сомнѣнія имѣвшихъ соотношеніе съ религіозными миѳами. Поверхъ стѣнъ и столбôвъ внѣшней части храма поднималась кровля, которая также бывала розкрашаема и такимъ образомъ вся внѣшность храма представлялась пестрою.

Храмы строились бôльшею частію изъ дерева, понеже Славяне, живучи бôльше въ мѣстцахъ лѣсистыхъ, чѣмъ богатыхъ каменемъ, привыкли бôльше къ деревянымъ зданіямъ, нежели къ каменнымъ. Однакже суть доказательства, що бывали у Словянъ также великолѣпныи храмы, созданы изъ огромныхъ каменей.

Храмы были обернены головными входами на западъ, такъ, що святилище было на востокъ отъ входа. Востокъ считался Славянами (подобно многимъ инымъ народамъ) стороною, къ которой

долженъ обращатися человѣкъ, возсылаючи молитвы въ Богу. Обыкновенно былъ храмъ окруженъ дворомъ, обведеннымъ огородою, которая, также якъ и храмъ, была украшаема рôзными розкрашенными изображеніями. Въ слѣдъ за совершеніемъ службы богамъ, по обычаю начиналось пиршество, которое не могло всегда и для всѣхъ совершатися пôдъ открытымъ небомъ, для того были при храмахъ еще и отдѣльныи пристройки. О храмахъ и огородахъ святилищныхъ то еще упомянути надлежитъ, що они были священнымъ ненарушимымъ убѣжищемъ для всякого, кто поручалъ себе пôдъ защиту божества.

ж) Идолы.

Есть указанія, що Славяне поклонялися идоламъ и внѣ храмôвъ. Самъ Несторъ, ничого не говоря о храмахъ, говоритъ о холмахъ, на кокорыхъ стояли идолы. Онъ пише о Владимірѣ (стр. 23, 34): „И начаже княжити Володиміръ въ Кіевѣ единъ, и постави кумиры на холму

внѣ двора теремного Перуна деревяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса Даждьбога, и Стрибога и Симарьгла и Мокошь . . . . И пришедъ Добриня Новугороду постави кумира надъ рѣкою Волховомъ." — Вообще сказавши было у Славянъ идоло̂въ множество, що поля и городы были полны ними *).

Идолы были розличнои величины, и малыи и огромныи. Бо̂льшею частію были вырѣзаны изъ дерева, роскрашены или посеребрены и позолочены, иныи были изъ чистого металла, мѣди, серебра, золота и дорогихъ каменей и сдѣланы были искусствомъ, которое изумляло просвѣщенныхъ современнико̂въ. Нѣкоторыи изъ идоло̂въ имѣли фантастическій образъ, будучи представляемы съ дво̂ма, тремя и бо̂льше головами или нѣсколькими лицами; но здается всѣ имѣли типъ человѣческій.

---

*) Penates quibus agri et oppida redundabant, говорилъ Гельмольдъ I. 53.

Идолы Славянскіи рисовались въ одежѣ, частію рѣзаной изъ дерева или литой изъ металла, частію сшитой изъ тканей, и почти всегда вооруженныи. Оружія и другіи подобныи принадлежности росположены были во кругъ нихъ. Идоламъ придавали бôльшою частію стоячое положеніе. Идолъ несчитался простымъ изображеніемъ бога, но обиталищемъ его духа. — То суть головныи характеристическіи черты идолôвъ Славянскихъ.

з) Жрецы славянскіи.

Въ сказаніяхъ Византійцевъ и Арабôвъ не находимъ ничого о жрецахъ Славянскихъ. и то правда, що богослужебныи обряды совершалися иногда безъ пособія жрецôвъ, но изъ того не слѣдуе, якъ нѣкоторыи мнимаютъ, щобы у Славянъ жрецôвъ совсѣмъ не было. Паче всего мы удостовѣрены, що у Славянъ были также жрецы (колдуны, знахоры), яко лица, посвященныи въ тайны религіи и ея обрядôвъ. Если жрецы и не

составляли особенной касты, то все были здается отдѣльнымъ сословіемъ, отличнымъ отъ другихъ розрядо̂въ народа, отличающимся отъ нихъ бѣлою одеждою, длинными волосами заплетеными въ косу и прч. Жрецы принадлежали особенно у балтійскихъ Славянъ къ высшему розряду общества, участвовали въ собраніяхъ дворянства, предсѣдали въ судахъ разомъ съ князями, владѣли мнѣніями, владѣли богатствами. Сила жрецо̂въ потвержалась ихъ важностію въ дѣлахъ религіозныхъ: они заботилися о храненіи святостей и богатствъ, освященныхъ именемъ божества, о употребленіи даро̂въ, приносимыхъ божествамъ на украшеніе святилищъ; они были хранителями вѣрованій, истолкователями религійныхъ понятій, и розпространителями ихъ межь народомъ; они были головными посредниками межи божествомъ и человѣкомъ, возносителями моленій, исполнителями жертвоприношеній и гаданій. — Жрецы одни имѣли право входити во внутреннюю часть святилища и очищали его,

они заботилися о священныхъ коняхъ, сами одни могли ихъ пасти и сѣдати на нихъ. Жрецы берегли изображенія божествъ и знаменія и всѣ богатства храмôвъ. Они были исполнителями богослужебныхъ обрядôвъ, возносили молитвы къ божеству и приносили жертвы, хоть не всегда, то въ многихъ случаяхъ, и самыхъ важныхъ, якъ уже самое названіе жреца оказуе приносителя жертвы.

Изъ всего того видно, якъ розноообразна была важность жрецôвъ, якъ розноообразны были ихъ должности и розряды. — Кромѣ нихъ были у Славянъ также жрицы, якъ здается женщины, которыи обрекли себе на жизнь цѣломудренную или дѣвицы, посвятившіи себе богу, или старухи (колдуни, знахорки, ворожеи), отжившіи свою семейную жизнь. Такіи были дѣвы, огнеслужительницы, или дѣвы съ жреческимъ значеніемъ при

совершенія суда по обычаю Любуши, якъ то *) мнимаютъ нѣкоторыи писатели).

и) Молитвы и возношенія.

Полныи вѣры въ могущество своихъ боговъ, изъ страху къ ихъ гнѣву и надежды на ихъ благость, Славяне старались выразити передъ ними свое благоговѣніе и покорность, отвратити отъ себе негодованіе, заслужити ихъ милосердіе и помочь. Для того они въ часы богослуженія сходилися поклонятися богамъ, обращаясь къ богу они выражали свое благоговѣніе тѣмъ, що падали ницъ и били челомъ. Въ мѣстахъ освященныхъ (по вѣрованію народа) присутствіемъ божественного духа, якъ предъ лицемъ самого божества, нельзя было сѣдати и даже надобно было

---

*) „Двѣ вѣгласнѣ дѣвѣ, выученѣ вѣщбамъ витязовымъ; у едней су(ть) дъски правдодатне, у второй мечь кривды караючій", говорится въ Судѣ Любуши. См. Die ältesten Denkm. d. böhm. Sprache Prag 1840. Rukop. Kralodworsky wydán od W. Hanky w Praze.

удерживати въ святилищѣ дыханіе. Преклоненіе колѣнъ передъ идолами было у Славянъ балтійскихъ въ употребленіи, якъ то узнаемъ изъ многихъ свидѣтельствъ. Самое слово „покланятися“ выражае въ старославянскомъ и другихъ нарѣчіяхъ „богопочитати.“ Такъ и въ краледворской чешской рукописи выраженія: „кланятися богомъ“ и „бити въ чело предъ богы“ — въ рускомъ и польскомъ: „поклонъ, поклоненіе“ означаютъ богопочитаніе.

Славяне обращалися къ своимъ богамъ съ молитвою славословія, просьбы и благодарности.

Отъ молитвъ славословія осталися намъ отрывки въ пѣсняхъ народныхъ особенно обрядныхъ, н. пр. колядкахъ, щедровкахъ, русальныхъ и свадебныхъ пѣсняхъ. Къ нимъ присовокуплялись просьбы. Жертвы просительныи, вѣроятно, сопровождались всегда молитвами, ровно и гаданія. — Въ молитвахъ благодарственныхъ Славянинъ выражалъ свою признательность къ

богамъ за ихъ благодѣянія и помочь во всѣхъ его дѣлахъ частныхъ и общественныхъ. — Молитвы частію выражалися въ пѣніяхъ. Пѣсни составляли принадлежность богослужебныхъ обрядôвъ языческихъ Славянъ. О нихъ говоритъ Христолюбецъ въ своемъ словѣ: „Не подобаетъ крестьяномъ игоръ бѣсовскихъ играти, иже есть плясьба, гудьба, пѣсни бѣсовскія и жертвы идольскія." Тіи храмовыи пѣсни-молитвы сопровожалися звуками инструментôвъ, якъ то было при богослужебныхъ пѣсняхъ внѣ храмôвъ. Во всякôмъ случаѣ пѣніе было принадлежностію языческой религіи Славянъ, для того пѣвецъ Игоря называе своего предшественника Бояна внукомъ Велеса.

Молитвы сопровождались жертвоприношеніями. Тутъ надлежитъ отличати простыи возношенія отъ собственныхъ жертвъ. — Возношеніями были благовонныя куренія, и возношенія пахучими цвѣтами, травами, вѣнками и пр. приношенія яства оружія и т. п. Славяне знали символъ возношенія мысли къ божеству посредствомъ благовон.

ныхъ куреній и совершали его двома способами или просто роскладывали огонь, или сожигали куренія. О первôмъ способѣ возношенія свидѣтельствуе обычай розложенія огня, сохранившійся до сихъ поръ у многихъ Славянъ, не совсѣмъ забывшихъ древніи языческіи обряды. Судячи по тому обычаю, торжественное возношеніе пламени совершалося преимущественно два разы въ годъ: въ праздникъ Коляды или Новогодія и въ праздникъ Купалы. — Палсніе дѣдуха по Рождественскôмъ празднику и огни, роскладаемы на св. Іоанна Предитечу (Купалу) здаеся суть забыткомъ таковыхъ языческыхъ жертвоприношеній. Передъ идоломъ Перуна (по увѣренію лѣтописцôвъ) горѣло постоянно пламя: „ему же яко богу жертву приношаху и огнь неугасающій зъ дубоваго древія непрестанно паляху.“ *) Возношенія пламени соединялись у язычниковъ Славянъ съ обоженіемъ огня.

---

*) Густинская лѣтопись стр. 207.

О возношеніяхъ яствами имѣемъ свидѣтельствъ далеко больше. У Масуди читаемъ о приношеніи одному изъ идоловъ проса. Константинъ Багрянородный, розсказывая о походахъ Русиновъ, пише, що они пріѣзжали къ острову св. Георгія и у огромного дуба приносили въ жертву живыхъ птицъ, дѣлали также кругъ стрѣлами и клали туда хлѣбъ, мясо и где що другое, що было у нихъ. Подробно описанъ подобный обрядъ у Ибнъ-Фоцлана, якъ онъ видѣлъ его въ пристани Итиля (Азовѣ) совершаемымъ русскими купцами: „Вошедши въ пристань каждый иде на берегъ съ хлѣбомъ, мясомъ, лукомъ, молокомъ и пьянымъ напиткомъ, къ высокому деревяному истукану, падае передъ нимъ на землю и говоритъ: „Господи! я пріѣхалъ изъ далека и привезъ съ собою столько-то невольницъ, столько-то шкуръ соболей“ . . . . и пересчитавши такъ *свои* товары, прибавляе: „вотъ тебѣ даръ мой!“ Потомъ кладе передъ идоломъ все, нимъ принесенное, и говоритъ: „Ахъ, если бы ты послалъ

менѣ купца, у которого бы было много серебряныхъ и золотыхъ пѣнязей, который бы купилъ у мене все, що мнѣ хочется, и такъ якъ мнѣ хочется продати." Сказавши сіе, онъ уходитъ. Если же торговля его идетъ зле и задерживае его долго, тогда онъ приходитъ въ другій и въ третій разъ съ дарами. И если все еще не достигае того, чого собѣ желае, то приноситъ дары каждому изъ маленькихъ идоловъ окружающихъ большій, и молитъ ихъ о заступленіи. говоря: „То жены, сыновья и дочери нашего господа!" Онъ подходитъ къ каждому идолу и проситъ ихъ о заступленіи и кланяеся имъ смиренно. Часто случаеся, що после того онъ торгуе легко и добре и продае всѣ привезенныи товары. Тогда говоритъ онъ: „господь услышалъ мое желаніе, теперь обязанность моя возблагодарити ему;" онъ убивае нѣсколько быковъ и овецъ, отдае часть мяса бѣднымъ, остальное приноситъ къ большому истукану и къ стоящимъ вокругъ него малымъ и вѣшае головы овецъ и быковъ на де-

ревѣ, которое вбито въ землю (за малыми истуканами). Ночью приходятъ псы и все поѣдаютъ, а положившій восклицае: „господь благоволитъ мнѣ; онъ принялъ мой даръ." О такихъ возношеніяхъ у древныхъ Русиновъ говорятъ и сказанія отечественныи. Такъ въ лѣтописи Новгородской Пидиблянинъ, отринувши жердью плывшого Перуна, говорилъ ему: „Ты, рече, Перушище, досыти еси пилъ и ялъ, а нынѣ плови уже проче." Въ словѣ Христолюбца говорится: „И тако покладываютъ имъ требы и короваи имъ ломятъ . . . моленое то брашно даютъ и ядятъ . . . . ставятъ лише кумиромъ трапезы котѣйныя (ср. выше пѣсню поемую на соботку стр. 19). и законьнаго обѣда. иже нарицается беззаконьная трапеза, мѣнимая роду и рожаницамъ." *) — Другіи свидѣтельства инымъ Славянамъ принадлежащіи пропускаемъ, ибо сіи уже довольно могутъ представити значеніе возношеній.

---

*) Востоковъ Спис. рук. Рум. Муз. М. стр. 229.

і) Жертвы заколенія и жертвы сожженія.

Що касаеся собственныхъ жертвъ, то они были вообще двохъ родôвъ: жертвы заколенія и жертвы сожженія.

О жертвахъ заколенія (закланія) упоминае уже Прокопій, говоря, що Славяне, покланяясь богу молніеносцу, приносили ему въ жертву быкôвъ и другіи приношенія, — що они, видячи себе удручеными болѣзнію или близкую смерть въ бою, обѣщались богу принести жертву за спасеніе жизни, и избѣжавши опасности, приносили въ жертву обѣщанное, думаючи, що тою жертвою спасали собѣ жизнь. Константинъ Порфирородный, Масуди и Ибнъ-Фоцланъ тоже говорятъ о жертвоприношеніяхъ Славянъ. — О жертвахъ заколенія у Русинôвъ говоритъ ясно Несторъ: „Жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребами своими и оскверниcя кровьми земля Руская и холмъ-отъ" (Несторъ 34.). Вспоминае о нихъ и Митрополитъ Иларіонъ въ словѣ своемъ,

замѣчая, що освятившись ученіемъ Христовымъ. „уже не жрьтвенныя крове вкушающе погибаемъ." — Впрочемъ и народное преданіе сохранило пѣсню обрядную, изображаючую приношеніе козла въ жертву *).

Жертвы заколенія возносимы были ежегодно въ честь божествъ во время празднествъ имъ посвященныхъ, и кромѣ того при другихъ случаяхъ, когда надобно было умилостивляти боговъ, такъ межи прочимъ и при совершеніи о-

---

*) Ось начало сей пѣсни:

За рѣкою за быстрою —
Стоятъ лѣсы дремучіи;
А въ тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіи;
Вокругъ огней лавки стоятъ,
Лавки стоятъ дубовыи;
На тѣхъ лавкахъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни колядочки:
По серединѣ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ;
Возлѣ него козелъ стоитъ,
Хотятъ козла зарѣзати и прч.

бряда погребенія. Иногда они совершались торжественно жрецами, иногда же самыми тѣми, кто желалъ принести жертву. Обыкновенно приносилися въ жертву домашныи животныи и птицы; н. пр. быки, овцы, козы, куры, иногда кони и псы. Во время принесенія жертвы совершались гаданія, и при тôмъ жрецъ, для того щобы воодушевитися силою предвѣщанія, пилъ кровь жертвъ. По принесеніи жертвы, часть еи иногда роздавалась нищимъ, а остальное оставалося передъ идолами; иногда же принесенное въ жертву было употребляемо, якъ яства, на слѣдовавшемъ за тѣмъ пиршествѣ. — Жертвы заколенія имѣли вообще двоякій характеръ: и характеръ освященія, и характеръ дара, приношенія, лишенія себе для богôвъ съ надеждою быти вознагорожденнымъ отъ нихъ чѣмъ нибудь большимъ. Жертвы сожженія имѣли тôлько сей последній характеръ.

Що и они были весьма обычны у Славянъ сѣверозападнихъ и восточныхъ, то доказываеся

остатками, находимыми въ городищахъ и въ другихъ мѣстцахъ, где совершалися, множествомъ попелу, угля, недогорѣлыхъ костей животныхъ и т. п. Описаніе жертвы сожженія находится также въ пѣсни краледворской рукописи, изъ которого заключити можемъ, що и при тихъ жертвахъ, якъ при жертвахъ заколенія, приносимы были домашныи животныи, що тіи жертвоприношенія были общенародны, и що они совершаемы были великолѣпно, но не жрецами, але князями.

Есть свидѣтельства, що у Славянъ въ обычаю было и приношеніе въ жертву людей, но тіи жертвы были весьма рѣдко и въ необыкновенныхъ случаяхъ употребляемы. — Впрочемъ въ жертву приносили такихъ людей, которыхъ можно было (по изображенію язычниковъ) не жалѣти, н. пр. плѣнныхъ или христіанъ. Человѣческими жертвами Славяне воображали смягчати гнѣвъ боговъ и украшали ними религійныи торжества послѣ войны или битвы. — Смерть человѣка одного или многихъ на полѣ бою или на одрѣ болѣзни, всегда

религіею Славянскою вызывала смерть другого человѣка или и многихъ. Источникъ того и другого обычая долженъ быти одинъ и тотъ же. Славянинъ боялся будущого посмертного, — столько же боялся своихъ грѣхôвъ, сколько и смерти насильственной: то и другое готовило ему посмертное мученіе; но съ боязнію соединялась у него надежда на благость богôвъ, на возможность ихъ умилостивити очищеніемъ, и тое очищеніе вѣра ихъ находила въ погибели животныхъ и другихъ людей. — Погребальный обрядъ сожженія сопровождался у Славянъ также умерщвленіемъ не только животныхъ, но и людей, если не кого другого, то по крайней мѣрѣ женщины, жены или наложницы. Для погибавшого была надежда, що онъ тѣмъ пожертвованіемъ открывалъ собѣ дорогу въ рай; такая же надежда была для родныхъ покойника, вѣровавшихъ, що тѣми жертвами очищаеся душа его отъ грѣхôвъ. Все тое было для Славянъ жертвою очищенія.

к) Гаданія и прорицанія.

Гаданія составляли стольже необходимую принадлежность богослуженія Славянского, якъ саміи молитвы и жертвоприношенія. Обряды гаданій основывались на вѣрованіи, що божества и безъ воли человѣка роскрывали ему будущее. Гадаючи о будущомъ, Славянинъ язычникъ допрашивалъ божество — вопервыхъ о тôмъ, быти ли чему или не быти, дѣлати ли ему що или не дѣлати, во вторыхъ, о тôмъ, що именно имѣе быти, що онъ долженъ дѣлати. Отвѣтъ на первый вопросъ былъ короткій: да или нѣтъ, и мôгъ быти розгадываемый изъ розличныхъ, весьма не сложныхъ знакôвъ; отвѣтъ на вторый вопросъ долженъ былъ розгадоватися изъ знакôвъ далеко бôльше сложеныхъ, и чѣмъ коротше, неопредѣленнѣйше выражался, тѣмъ больше зависѣлъ въ своемъ обясненіи ôтъ воли обяснявшого.

Само собою розумѣеся, що гаданіе первого рода употреблялось далеко чаще. Оно-то было

гаданіемъ по жребію весьма употребительнымъ у Славянъ. Кромѣ тѣхъ гаданій по жребію, были вѣроятно и многіи другіи, судивши по тому, що въ суевѣріяхъ народныхъ осталось весьма много способôвъ гаданья, и хотя не всѣ осталися они отъ временъ язычества, но все же многіи не могли имѣти другого источника.

Были также у Славянъ гаданія, въ которыхъ волю божества хотѣли узнавати не по якому нибудь жребію, одному изъ двохъ противуположныхъ, но въ положительнôмъ отвѣтѣ, однôмъ изъ многихъ возможныхъ. О существованіи такого обряда гаданій по предсказаніямъ упоминае Масуди. Также Несторъ розказуе, якъ волхвы предсказали смерть Олегу: „Призва Олегъ волхвы своя и рече имъ: скажите ми, что смерть моя. Ониже рѣша, смерть твоя отъ любимаго твоего коня;“ *) и пр. Нѣсколько подобныхъ

*) Новгор. Лѣт. М. 1781.

предсказаній записано лѣтописцами и въ позднѣйшее время. Тоже въ Стоглавѣ читаемъ: „волхвы и по звѣздамъ и по планитамъ глядятъ." Самое повѣрье, що зозуля предсказуе, сколько кому лѣтъ жити, имѣло во время языческое чисто религіозный смыслъ.

Розсмотриваючи свидѣтельства, принадлежащіи къ рѣшенію вопроса, при якихъ случаяхъ употреблялись гаданія, нужно замѣтити, що гаданія, въ понятіи язычниковъ Славянъ, составляли чрезвычайно важную часть богослуженія, имѣючи огромное вліяніе на жизнь частную и общественную; гаданіемъ рѣшалось все важное для каждого человѣка и для цѣлого народа, даже и назначеніе обрядовъ богослуженія Храмы и божества, которымъ въ нихъ покланялися, были чтимы тѣмъ больше, чѣмъ больше было въ народѣ вѣры къ прорицаніямъ тамъ совершаемымъ. О выборѣ невѣсты по жребію читаемъ и въ Словѣ о полку Игоревомъ: „на седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу."

Понятіе о важности гаданій и гадателей, ворожеіи и ворожкахъ осталось донынѣ. Жребій имѣлъ религіозное значеніе Гаданіемъ рѣшали предпріятія общественныи, походы и битвы сухопутныи и морскіи. Гаданія помочію жребія и объясненія прорицаній замѣняли собою въ многихъ случаяхъ рѣшенія ума, сердца и закона, ибо Славянинъ желалъ предоставити то высшей волѣ, що есть выше воли человѣческой.*)

л) Праздники и игры языческіи.

У древнихъ Славянъ были розличныи обряды, были религіозныи празднества, совершаемы въ опредѣленное время, повторяемы въ тѣже дни, въ одномъ и томже мѣстѣ.

Славяне розполагали свои празднества сообразно тремъ видамъ дѣятельности свѣта, выражаемой перемѣнами года, который по сему дѣлился на т р и части.

*) Изслѣдованія о языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ И. Срезневскаго. Спб. 1848.

Первый былъ праздникъ Весны, торжество въ честь Лада, воскресеніе или возвращеніе солнца, лѣтній солноворотъ. Праздникъ Весны начинался весьма рано; когда только отъ солнца начиналъ таяти снѣгъ, тогда отправлялося богослуженіе и приносился въ жертву козелъ. Зеленая вѣха, т. е высокая вѣтвь связанная на подобіе мѣтлы, которую у насъ на Покутью въ день св. Георгія (на Юра) утромъ всякій господарь встромляе въ острогъ возлѣ воротъ своего обыстья, есть якобы оглашеніе весняного праздника. Намятниками подобныхъ древнихъ обычаевъ у Славянъ остались пѣсни, въ которыхъ упоминаеся о такôмъ жертвоприношеніи и обычай водити козла, при чемъ хороводъ юношей и дѣвицъ поетъ пѣсни припоминая имя Лада и Лелю т, е. свѣтлый. Съ симъ соединялся символическій обрядъ утопленія зимы и заклинанія или призыванія весны, изъ чего остались возгласы въ пѣсняхъ веснянками и гаивками (гагилками, гагулками) зовимыхъ:

„Ой вже Весна вскресла!
Ой що же намъ принесла“ и пр.
или „Благослови мати,
Ой, мати Лада, мати,
Весну закликати“ и пр.
или „Ой Дѣдъ, Дѣдъ, та и Ладо!
Та повѣдай кбзле правду;
Щожь вамъ маю повѣдати,
Коль ничого нечувати? и пр.

Праздникъ весны имѣлъ четыре значенія: религійное, земледѣльческое, семейственное и погребальное.

Во первыхъ было то торжество приходящей весны. Оно начиналося призваніями матери солнца, великой Лады. Послѣ того пѣли торжественныи гимны въ честь солнцу; хороводъ обращался къ мѣсяцу и звѣздамъ; пѣли пѣсни въ честь воды; совершали моленія о плодородіи и низпосланіи дождя, обращались къ лѣсамъ, прося ихъ розвитися, призывали птицъ розвеселити пѣніемъ розцвѣтающіи дубровы. Потомъ отправлялися символическіи игры; нѣкоторыи изъ

нихъ знаменовали весну, другіи означали воспоминанія миѳологическихъ событій.

Второе значеніе сего праздника было земледѣльческое; земледѣльческіи занятія изображалися въ немъ символическими образами. Доказательствомъ тому служатъ игры; н. пр. сѣянье проса, и пѣсни хороводныи при гаивкахъ, въ которыхъ изображается оранье, сѣяніе маку, льну, ячменю, пшеницы и пр. и розныи сельскіи роботы. Все тое, изображаясь въ священнодѣйствіи, якъ бы освящало полевыи труды поселянъ.

Третье значеніе праздника было семейстенное. Любовь свѣтлоносного мужеского и водного женского божествъ т. е. Свантовита и Дѣванны служила первообразомъ соединенія половъ на землѣ; потому, въ хороводѣ, составленнômъ для богослуженія юноши и дѣвицы должны были бракомъ сочетатися при концѣ праздника, а до того времени, въ своихъ играхъ и пѣсняхъ выражали взаимную любовь, для прославленія вер-

ховной любви. Въ пѣсняхъ обрядныхъ находимъ частыи намеки любви, женихањя и пр.

Четвертое значеніе праздника было **погребальное**. Тотъ же самый праздникъ называесся нынѣ **радуницею**, или **проводами** и **могилками**. Послѣ веселыхъ игръ ходили Славяне на могилы или къ тѣмъ памятникамъ, где стояли на столбахъ сосуды съ попеломъ умершихъ, приносили туда яства и напитки, дѣлали возліянія въ честь покойниковъ, а женщины въ плачливыхъ пѣсняхъ вспоминали достоинства умершихъ. Потôмъ отправляема была **тризна***) или **страва**, торжественное пиршество, на которôмъ пили и ѣли званныи и незванныи. все въ честь покойникôвъ; а потомъ начиналися борьбы и ристанія, подобно якъ въ древности у Грекôвъ. Тіи богатырскіи игры считалися не-

*) **Тризна** значило бой, поединокъ, **тризнище** мѣсто боя, **тризникъ** подвижникъ, **тризнити**, **тризовати** битися, игратися. Въ старину тризною называлося празднество соединеное съ военными потѣхами.

обходимыми для умершихъ. Мы имѣемъ описаніе такой языческой тризны у Нестора, где розсказуеся, що послѣ пиршествъ надъ могилою Игоря, княгиня Ольга пригласила Древлянъ на состязаніе съ Кіевлянами.

Послѣ весняного праздника начиналися полевыи роботы, сопровождаемыи пѣснями и увеселеніями. Все носило на собѣ видъ богослуженія Ладу По вечерамъ собиралисъ юноши и дѣвицы въ хороводъ обыкновенно у воды. въ рощахъ или на ливадахъ. То были тіи „игрища межю селы“ на которыхъ, по словамъ Нестора, „умыкаху у воды дѣвиця“

Когда земледѣльцы обсѣялися, и наступало больше свободное время, когда солнечный жаръ становился ощутительнѣйшимъ и розвитіе органической жизни шло быстрѣйше, Славяне отправляли торжество въ честь Ладу, называемое Семикомъ: слово тое совпадае съ семью тысячами дней царствованія Дождь-Бога и седми мечами Руевита. Праздникъ той называеся у

Руси **Ярилом**, а у Словаковъ **Турицами** и **Лѣтницами**.

И сей праздникъ имѣлъ у Славянъ четыре значенія. Идея его есть поклоненіе свѣтлоносному существу въ епоху сильнѣйшей его дѣятельности, богу Руевиту. Хороводъ юношей и дѣвицъ въ вѣнкахъ, съ вѣтвями, собирался на берегу рѣки на возвышеніи, въ рощѣ. Срубленное дерево, украшенное лентами — вѣрно прежде символическими знаками — служитъ непремѣннымъ условіемъ того праздника у русскихъ поселянъ. Обыкновенно есть тое дерево — береза, и кажется оно символизовало матерь Ладу-природу. У Римлянъ ставили также дерево, въ честь Афродиты (Маи), называвшееся arbor majalis, срав. нѣм. Maibaum, подобно у Индійцевъ изображалась Бгавани, всеобщая мати, въ образѣ лотоса.

Религіозно-земледѣльческое значеніе лѣтнего праздника видно изъ обычаевъ ходити по поляхъ съ образами, увитыми цвѣтами, спѣвая приличныи

тому времени (русальныи) пѣсни, которыи нынѣ приняли совсѣмъ Христіянское значеніе.

Въ семейномъ отношеніи пѣсни лѣтницкіи выражаютъ предчувствіе скорого брака. Въ тоеже время лѣтнёго праздника отправлялись жертвоприношенія Русалкамъ, — по которымъ до сего времени существуе у Карпатской Руси названіе русальной недѣли, русальныхъ святокъ, русальевъ.

Наконецъ, въ заключеніе продолжительного празднества Лада, отправляемо было великое торжество Купала. Ни одинъ изъ народныхъ праздниковъ не остался у Славянъ съ его явноязыческими принадлежностями, послѣ принятія христіянства, якъ купальный, хотя его духовеньство силилось истребити. О немъ упоминаеся въ Стоглавѣ, Синопсисѣ Гизеля и Густинской Лѣтописи, (см. выше примѣчаніе на стр. 17). Въ Стоглавѣ (въ XVI. вѣку) жалуются, „что противъ праздника Рождества Іоанна Предтечи противъ ночи и въ весь день

до ночи мужи и жены и дѣти въ домѣхъ и по улицѣ и. ходя по водамъ, глумы творятъ со всякими играми и всякими скоморошествы и пѣсни сатанинскими, ночью въ рощѣ, омываются водою и пожаръ запаливъ, перескакаху по древнему нѣкоему обычаю." (Руск. прост. праздн.) IV. 37. — Инокентій Гизель пише въ своемъ Синопсисѣ, „что въ Малороссіи въ навечеріи Рождества св. Іоанна Крестителя собравшеся къ вечеру юноши мужеска, женска и дѣвическа пола соплетаютъ себѣ вѣнцы отъ зелія нѣкоего и возлагаютъ на главу и опоясуются или еще же на томъ бѣсовскомъ игралищѣ кладутъ огонь и окрестъ его емшеся за руцѣ нечестиво ходятъ и скачутъ и пѣсни поютъ, скверного Купала часто повторяюще и чрезъ огонь прескакующе." (Синопсисъ, стр. 48). У западныхъ Славянъ тое празденство называ-

ется Соботкою, у Русинôвъ Карпатскихъ (Лемкôвъ и Крайнянъ) Собôткою или Собôдкою.

Кромѣ Славянъ извѣстно было сіе празднество многимъ народамъ, н. пр. у Нѣмцевъ (Johannisfeuer), у Литовцевъ, у Финнôвъ, Монголôвъ, даже у древныхъ Грековъ и Римлянъ существовалъ праздникъ, въ который палили костры и перескаковали чрезъ огонь. Самъ Овидій говоритъ (Fastes VIII.), що онъ три разы перескакивалъ черезъ огонь и былъ кропимъ водою съ лавровой вѣтви. — Такъ торжество Славянское Купалы было общимъ праздникомъ всего языческого міра.

Сей обрядъ отправляеся нынѣ въ южной Руси слѣдующимъ способомъ. Прежде всего молодежь идетъ купатися, потомъ надѣваютъ дѣвицы вѣнки изъ черноклена съ душистыми зелами, подпоясываются чернобылемъ (Artemisia vulgaris) и, предъ захоженіемъ солнца, собираются на возвышеннôмъ мѣстѣ непремѣнно надъ рѣкою. Тамъ ставятъ

два изображенія: одно чучело на подобіе человѣка, другое — дерево, увитое женскими уборами, лентами и вѣнками: дерево обыкновенно бывае черноклёнъ (Acer campestre), потомъ роскидуютъ купы соломы, зажигаютъ и, постававши кругомъ, поютъ пѣсни и, взявши въ руки изображенія, по парѣ паробокъ съ дѣвкою скачутъ черезъ огонь, потомъ, когда всѣ перескачутъ, кидаютъ въ воду изображенія: изъ которыхъ мужеское называеся Купаломъ, а женское Мореною. Въ слѣдъ за тѣмъ кидаютъ съ себе вѣнки въ воду, и поютъ пѣсни. — Купало и Морена означаютъ Лада, Святовита, свѣтлоносное начало, и женское водное начало или Дѣванну: теперь они называются въ народѣ царь-огонь и цариця-водиця. Значеніе того праздника было символическое бракосочетаніе Солнца съ Водою, изъ которого совокупленія образовалася полная жизнь и любовь въ твореніи.

Третій праздникъ у Славянъ отправлялся зимою въ тое время, когда солнце доходило до

самой меньшости своей силы и поверталося снова на весну, когда зима борется съ лѣтомъ (т. е. зимовый слоноворотъ). — Праздникъ тотъ имѣе основаніе въ обще человѣческôмъ миѳологическôмъ понятіи о рожденіи свѣтла. Въ Персіи праздновали Мигрганъ въ концѣ Декемврія и называли праздникомъ рожденія непобѣдимого солнца. Подобно тому и въ Египтѣ жрецы торжествовали рожденіе Озириса. У Римлянъ тогда отправлялись Януарскіи Календы, называвшіися также Natales Solis invicti. Тотъ праздникъ принадлежалъ также и къ поклоненію Митрѣ, называвшемуся непобѣдимымъ солнцемъ. У Славянъ былъ въ тое время праздникъ, именуемый теперь К о л я д о ю.

У Славянъ отправлялся онъ въ отношеніи религіознôмъ въ честь рождающагося солнца; изъ чого належитъ заключити, що годъ Славяне начинали съ зимового поворота солнца (слоноворота). Святовитъ пораженый на время Чернобогомъ, возстае и начинае свою дѣятельность оживленія природы. А понеже солнце совершае

дѣятельность свою постоянно и сначала оно являеся въ малôмъ видѣ, то отъ того образовалось понятіе у всѣхъ языческихъ народôвъ о рожденіи и дѣтинствѣ свѣтлоносного начала въ годичнôмъ его бытіи, оттого и произошло изображеніе женщины (олицетворенной природы) съ младенцемъ. — Вѣроятно, що то былъ также праздникъ сотворенія міра, ибо въ нѣкорорыхъ обрядныхъ пѣсняхъ о тôмъ говорится совершенно по языческимъ понятіямъ. Въ тое время совершалися игры и гаданія розличного рода и приносилися жертвы.

Въ отношеніи семейственнôмъ той праздникъ имѣлъ здается то значеніе, що тогда составлялся хороводъ на весну и освящался религійными обрядами. Въ земледѣльческôмъ отношеніи имѣлъ онъ также свое значеніе. Обычаи щедровати и отчасти колядовати и виншовати на новый годъ у Русинôвъ суть преимущественно земледѣльческіи. Пѣвцы (колядники или щедраки) пôдъ окномъ прославляютъ обиліе и счастіе хозяина и жела-

ютъ ему такогожь благоденствія и на другій годъ. — Обычай посыпанія зеренъ на новый годъ имѣлъ, здается, значеніе освященія зеренъ приготовляемыхъ для посѣва.

Такіи то были годичныи праздники древнихъ Славянъ соотвѣтствующіи годовому кругу солнца, изъ чего видно, главнымъ основаніемъ що того круга было поклоненіе солнцу. —

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Изъ того короткого обозрѣнія древнёго баснословія Славянского видно, що головныи основанія и принадлеждости языческого богослуженія у всѣхъ Славянъ были одни и тіиже саміи. Славянскіи миѳы и языческіи обряды выплинули изъ одного источника древнѣйшихъ преданій Востока, той колыбели рода чековѣческого. По той при-

чинѣ понятія о божествѣ и службы ему по древнёму Славянскому вѣрованію имѣютъ близкое сходство съ баснословными преданіями другихъ народо̂въ Индоевропейского колѣна. По недостаточнымъ письменнымъ памятникамъ невозможно намъ нынѣ представити полного образа баснословія и обрядности Славянской. Изысканія письменныхъ источнико̂въ уже можно сказати вычерпаны, новыхъ открытій, изъ тѣхъ мертвыхъ свидѣтелей, трудно надѣятися. Остается намъ еще до испытыванія и изслѣдованія живый народъ. Въ его общественно̂мъ и семейственно̂мъ бытѣ, въ народныхъ пѣсняхъ, повѣстяхъ, сказкахъ и басняхъ, въ его обрядахъ, звычаяхъ и обычаяхъ, въ его забабонахъ, преданіяхъ и повѣріяхъ скрываются, иногда въ оболочцѣ нового времени, подробности отдаленнѣйшей старины. Мы составили предлежащее обозрѣніе баснословія въ томъ намѣреніи, щобы подати соотечественникамъ путеводительную нитку до изслѣдованія нашего народного быта, который въ вѣковыхъ преданіяхъ

губится ажь въ дальной старожитности, и связаный съ первоначальнымъ розвитіемъ рода человѣческого. Слѣдуя той мысли станемъ почитати наши народныи пѣсни и преданія по надлежащему имъ достоинству — познавши свое родное возлюбимъ и оцѣнимъ его. —

СОДЕРЖАНІЕ.

А.) О древнихъ славянскихъ идолахъ и божествахъ.

Б.) О языческомъ Славянскомъ богослуженіи.

Изъ тойже Ставропигійской типографіи вышли въ г. 1860.

1) Седмодневникъ содержащій въ себѣ службы всея святыя свѣтлыя Недѣли. Цѣна 25 кр. н.

2) Канонъ воскресный съ польскимъ переводомъ. Цѣна 40 кр. н.

3) Поезіи Николая Устыановича. Цѣна 40 кр. н. Доходъ призначенъ на цѣли литературныи.

4) Сборничокъ пѣсней для спѣволюбныхъ Русинôвъ, Цѣна 25 кр. н.

5) Нѣсколько словъ о играхъ общественныхъ на Руси. Второе изд. — Цѣна 20 кр. н. Доходъ призначенъ въ пользу украшеній церковныхъ.

6) Гуцулъ-Волошинъ, повѣсть зъ горъ Коломыйскихъ, написалъ Грицъ Надворонській. Цѣна 20 кр. н.

7) Dochody Pana Lubienieckiego z Dzierżonów, jako obrona przeciw napaści na moję osobę, — ks. Jana Naumowicza. — Цѣна 30 кр. н. Доходъ призначенъ въ пользу Дома Народного.

8) Въ вѣчную память Іосифу Лѣвицкому — пѣсня, составленна Б. А. Дѣдицкимъ. Цѣна 3 кр. н.

Современно печатаются въ тойже типографіи еще слѣдующіи сочиненія:

1) Зоря Галицкая яко Альбумъ на годъ 1860 (Печатаніе окончится въ первой половинѣ Септембрія с. г.).

2) Сборникъ историческій, Выпускъ III, издаваемый Рускою Матицею.

3) Львовянинъ, мѣсяцесловъ на р. 1861.

4) Владиміръ Великій — и крещеніе Руси, поема І. Озаркевича. Съ призначеніемъ дохода на цѣли литературныи.

5) Буй-Туръ Всеволодъ, поема Б. А. Дѣдицкого (печатаніе въ скорѣ окончится). Съ призначеніемъ дохода на цѣли литературныи.

6) Руское весѣлье, описанное І. Галькою. Съ призначеніемъ дохода на цѣли литературныи.

7) Молитвословъ съ толкованіемъ для мірянъ.

8) Молитвословъ для дѣтей.